

Жить дальше

Автор:

Даниэла Стил

Жить дальше

Даниэла Стил

Еще вчера Пейдж Кларк считала, что у нее есть все: любящий муж, прекрасная семья, уютный дом. Однако внезапно ее счастливый мирок рухнул в одночасье...

Дочь, чудом выжившая после автокатастрофы, лежит в коме. Муж бросил и ушел к другой. Единственный, кто поддерживает ее в эти тяжелые дни, полные страха, тоски и боли, – обаятельный и добрый Тригве Торенсен, отец еще одной из жертв аварии.

Но что объединяет его и Пейдж? Общее горе или что-то большее?..

Даниэла Стил

Жить дальше

© Danielle Steel, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Глава 1

Стоял один из тех чудесных теплых апрельских дней, когда ветерок так ласково овеивает кожу, что не хочется возвращаться домой. День был длинным и солнечным, и у Пейдж просто захватило дух от красоты залива, когда она ехала по мосту Золотые Ворота.

Потом она взглянула на своего сына, свою маленькую белобрысую копию – с той только разницей, что у мальчика на голове была бейсбольная кепка, под которой упрямо ершились волосы, а лицо было перемазано в грязи. Эндрю Паттерсону Кларку в прошлый вторник исполнилось семь. Теперь он развалился на сиденье машины, отходя от игры, и любой посторонний наблюдатель легко увидел бы, как близки мать и сын. Да, каждый мог бы сказать, что Пейдж Кларк хорошая мать, отличная жена и прекрасный друг: она любила, заботилась и работала, вкладывая в эти занятия всю душу, делала все для своих близких. Она поражала друзей своей артистичностью, ее любили за внутреннюю красоту, за то, что с ней никогда не было скучно.

– Ты был сегодня в отличной форме, – улыбнулась она сыну и, на миг оторвав одну руку от руля, сдвинула кепку и взъерошила его и без того спутанные волосы. У Энди были такие же густые пшеничные волосы, такие же большие голубые глаза и такая же светлая кожа – только у него веснушчатая. – Я не могла поверить, что ты поймал этот мяч на дальнем конце поля. Я думала, что он уже потерян. – Она всегда ходила на его игры, на все соревнования и на выездные игры с его классом. Она знала, что он это любит, а она любила его. И по тому, как он смотрел на нее, было ясно, что он это знает.

– Я тоже думал, что проиграл, – ухмыльнулся он, обнажая дырки от недавно выпавших молочных зубов. – Я думал, Бенджи точно успеет... – Он хихикал до тех пор, пока они не доехали до другого конца моста, у Марин-Каунти. – ...Но он не успел!

Пейдж тоже засмеялась. Отличный сегодня день! Жаль, что не было Брэда, но по субботам он всегда играл в гольф со своими деловыми партнерами. Для них это была единственная возможность расслабиться и оторваться от того, чем они занимались всю неделю. Так что они редко теперь проводили субботы вместе, а если такое и случалось, то всегда находились какие-нибудь дела вроде игр Энди или соревнований по плаванию у Алисон, которые обычно проводились в каком-

нибудь богом забытом месте. Если не это, так собака резала лапу, выпадала плomba, протекала крыша или что-то еще, чем приходилось срочно заниматься. Уже много лет у них не было свободных суббот. Она к этому привыкла, так что приходилось урывать время для себя, когда только это удавалось: когда дети засыпали, в промежутках между его командировками и на редких уик-эндах, когда им удавалось-таки оторваться. Да, нелегко было найти время для личных дел при такой сумасшедшей жизни, но все-таки им это удавалось. Несмотря на шестнадцать лет брака и двоих детей, Пейдж еще страстно любила мужа. У нее было все, что она хотела от жизни, – любимый и любящий муж, обеспеченная жизнь и два чудных ребенка. У них был дом в Россе, не слишком шикарный, но уютный и милый, в хорошем месте. А при своих способностях наводить уют Пейдж сделала из него конфетку. Очень кстати пришлось ее художественное образование и опыт, приобретенный, когда она работала помощником дизайнера в Нью-Йорке. Теперь-то она использовала свои таланты в основном для того, чтобы расписывать стены дома у себя или у своих друзей. Особенно хорошей получилась роспись в русской гимназии. Благодаря ее росписям их собственный дом, обычный маленький коттедж, превратился в предмет зависти всех знакомых и гостей. Он стал произведением искусства Пейдж, и все, кто видел его, сразу понимали это.

На одной из стен в комнате Энди она изобразила момент бейсбольного матча в полную величину – подарок сыну на прошлое Рождество. Он был в восторге. Когда Алисон увлекалась Францией, Пейдж изобразила на одной из стен сцену из парижской жизни, а потом – серию портретов балерин, навеянных картинами Дега. А недавно ее волшебная кисть превратила комнату дочери в подобие плавательного бассейна. Она даже раскрасила мебель под обстановку бассейна, чтобы создать полную иллюзию. Наградой ей было восхищенное «класс!» Алисон и ее друзей в отношении комнаты и «ух ты!.. Вот это предок!» – в отношении ее самой. Неплохая оценка для этой банды пятнадцатилетних подростков.

Алисон была уже на втором курсе колледжа. Глядя на ее друзей, Пейдж жалела, что у нее всего двое детей – ей хотелось больше, но тут Брэд был непоколебим. «Один или двое», – с ударением на слове «один» отрезал он. Брэд обожал маленькую дочку и не понимал, зачем им еще дети. Потребовалось целых семь лет, чтобы переубедить его. Именно тогда они переехали из города в пригород, купили дом в Россе, где и родился Энди, их чудо-ребенок, – он родился на два с половиной месяца раньше срока, после того как Пейдж упала с лестницы, когда рисовала на стене детской Винни-Пуха. Ее привезли в госпиталь со сломанной ногой, и одновременно начались схватки. Энди провел два месяца в инкубаторе, но в конце концов оказался совершенно здоров. Она улыбнулась, вспомнив,

каким он был крошечным и как они боялись потерять его. Она бы этого не пережила, хотя... пришлось бы, ради Алисон. И ради Брэда. Но без него она, наверное, утратила бы интерес к жизни.

- Хочешь мороженого? – спросила она, поворачивая на Френсис-Дрейк.

- Ага! – откликнулся Энди и рассмеялся, когда она заглянула ему в рот, – еще бы не рассмеяться при такой дыре.

- Ну, Эндрю Кларк, когда вы соберетесь обзавестись хотя бы парочкой зубов? Может быть, купить вам подходящие протезы?

- Ну... – протянул он и снова захихикал.

Было так славно ехать с сыном. Обычно она везла домой всю команду, но сегодня эту честь оказали другой мамаше, однако Пейдж все равно приехала на игру, она ведь обещала. Алисон поехала к друзьям, Брэд играл в гольф, а Пейдж раздумывала над своими планами – она хотела начать новую роспись для школы и посмотреть, что можно сделать с гостинной друзей. Впрочем, это все было не к спеху.

В кафе они взяли для Энди двойную порцию сливочного мороженого «Скалистая дорога», посыпанного шоколадом, а для нее – порцию замороженного кофейного йогурта, на вкус такого сладкого, что страшно было подумать, сколько в нем могло быть калорий. Они сели за столик на улице и ели до тех пор, пока Энди весь не вымазался и не перепачкал форму, но это, сказал он, ерунда – все равно ее стирать, так что немного мороженого не повредит. Так они сидели и наблюдали за прохожими и посетителями, наслаждаясь теплыми лучами заходящего солнца. День был отличный, и Пейдж стала строить планы относительно завтрашнего пикника.

- Вот это порядок, – сказал Энди, добравшись наконец кончиком носа до донышка стаканчика, так что растаявшее мороженое залило подбородок, и Пейдж вдруг ощутила острый прилив любви к сыну.

- Ты прелесть... ты знаешь это? Ладно, мне бы не следовало тебе говорить, но ты просто прелесть, Эндрю Кларк... из тебя выйдет отличный бейсболист... Разве могла бы я быть счастливей?

Он расплылся в улыбке, и теперь мороженым было перепачкано все, даже кончик ее носа, после того как она поцеловала сына.

- Ты отличный парень!

- Ну, ты тоже ничего... - Он нырнул в остатки мороженого и, когда вынырнул, посмотрел на нее вопросительно. - Мама?..

- Ну? - Она уже почти покончила со своей порцией, но его «Скалистая дорога» грозилась перемазать все окружающее в радиусе метра. Почему-то, попав в руки детям, мороженое начинает увеличиваться в объеме.

- Как ты думаешь, у нас будут еще дети?

Пейдж замерла от изумления - мальчики таких вопросов обычно не задают. Алисон-то уже несколько раз ее спрашивала, но Пейдж в свои тридцать девять решила, что с этим скорее всего покончено. Не то чтобы она чувствовала себя слишком старой, просто ей не уговорить Брэда на третьего ребенка.

- Вряд ли, мой дорогой. А что? - Неужели его это в самом деле волновало или это было простое любопытство?

- У Томми Силверберга мама на прошлой неделе родила двойню. Это просто прелесть! Они такие одинаковые, - оживленно начал он. - Они весят по семь фунтов каждый - больше, чем я.

- Это верно. - Он-то весил от силы три фунта, потому что родился слишком рано. - Да, наверное, они прелесть... но не думаю, что у нас тоже будет двойня... или хотя бы еще кто-то. - И почему-то ей стало грустно. Она всегда горячо поддерживала Брэда, что два ребенка - это как раз столько, сколько нужно для идеальной семьи, их семьи, но иногда совершенно неожиданно она почему-то начинала тосковать по новому ребенку. - Вот поговори об этом с папой, - поддразнила она сына.

- О близнецах? - поинтересовался он.

- О третьем ребенке.

– Это так забавно... Ну, конечно, с ними вроде довольно много хлопот. У Томми в доме такое творится! Повсюду разбросаны эти штуки... ну кровати там, корзинки... и пеленки... и всего по два... Приехала его бабушка помогать. Начала готовить обед и все сожгла. Его папа так ругался!

– Мне это не кажется столь уж забавным, – улыбнулась Пейдж, представив себе появление близнецов в доме, где и так было мало порядка и еще двое детей. – Но вначале всегда так, пока не освоишься с этим.

– Когда я появился на свет, был такой же беспорядок? – Он доел наконец мороженое и вытер губы рукавом, а руки о шорты своей бейсбольной формы.

Пейдж рассмеялась.

– Нет, но зато теперь беспорядка предостаточно, парень. Давай-ка поедem домой и переоденемcя.

Они забрались в машину и покатали домой, болтая по дороге, но у нее из головы не выходил его вопрос о ребенке. Ее сердце снова сжала тоска. Может быть, дело было просто в теплом солнечном дне? Или это просто весна? Но почему-то ей захотелось еще детей... еще поездок с Брэдом вдвоем... и чтобы можно было лежать с ним в постели днем, и никуда не нужно было спешить, и нечем заниматься, кроме как любовью с ним. Как бы ей ни нравилась ее жизнь сейчас, ей хотелось иногда обратить время вспять. Сейчас она только и занималась что домашней работой, уроками детей, дележкой машины с Брэдом и детьми, так что им с Брэдом удавалось поймать друг друга разве что на лету или в конце дня, когда оба уставали. А ведь, несмотря ни на что, у нее оставались желания и любовь... но не было времени, чтобы насладиться всем этим. Единственное, чего им постоянно не хватало, так это времени.

Через несколько минут они подъехали к дому, и, пока Энди собирал свои вещи, Пейдж огляделась и заметила машину Брэда.

– Ну, сегодня был отличный день, – сказала она, еще не остыв от солнца. Ее сердце было исполнено любви к сыну. Сегодня был один из тех дней, когда наконец-то понимаешь, что счастлива и благодарна за каждый миг жизни.

– Да... спасибо, что ты приехала на матч, мама! – Он отлично знал, что она могла бы и не приезжать, и был рад, что она все-таки приехала. Она была так добра к нему, и он любил ее за это. Но ведь он в самом деле хороший парень, он это заслужил.

– Всегда готова, мистер Кларк. Расскажи папе об этом знаменитом мяче. Ты просто на глазах творишь историю!

Мальчик рассмеялся и побежал в дом, а она подняла велосипед Алисон, брошенный поперек дорожки. Ее роллеры были прислонены к стене гаража, а ракетка лежала на стуле у кухонной двери, рядом с банкой мячей, «одолженных» у отца. Сегодня у дочери явно был тяжелый день. Когда Пейдж вошла в дом, дочь была на кухне и болтала по телефону. Она еще не переделалась после тенниса и стояла спиной к матери. Закончив разговор, она повесила трубку и повернулась к Пейдж. Алисон была так красива, что Пейдж иногда просто боялась за нее – она была на вид совсем взрослой. Тело взрослой женщины и ум ребенка, и при этом она всегда была в движении, всегда решала какую-то проблему. Ей всегда нужно было что-то сказать, спросить, быть где-то – два часа назад, сейчас, сию минуту – в самом деле надо! Вот это и было написано на ее лице, так что Пейдж мгновенно переключила стиль с легкого и непринужденного общения с Энди на Алисон. Алисон больше походила на Брэда – всегда в движении, всегда в пути, с мыслью о следующем деле, о том, что ей необходимо в следующий момент. Она была динамичней Пейдж, более жесткой и собранной, вовсе не такой доброй, каким, наверное, вырастет Энди. Но в общем она была хорошей, умной девочкой с добрыми намерениями и захватывающими планами. Иногда, впрочем, здравый смысл изменял ей, и тогда у них с Пейдж происходили стычки из-за какой-нибудь типично подростковой проблемы, но в конце концов Алисон быстро приходила в себя и набиралась терпения, чтобы выслушать родителей.

Такие выходки в пятнадцать лет нормальны – она просто пробовала свои крылья, искала свой путь, пытаясь понять, кем она станет – не Пейдж, не Брэдом, а самой собой. Она была похожа на них, но хотела быть только собой, не как Энди, хотевший походить на отца, а на самом деле похожий на мать. Алисон считала его младенцем – когда он родился, ей было восемь, и она считала его лучшей игрушкой. Она никогда раньше не видела такую кроху. Она, как Пейдж и Брэд, боялась, что он умрет, не выживет, и, когда его наконец привезли домой, Алисон гордилась им больше всех. Она носилась с ним по всему дому, и если Пейдж не могла его найти, то знала, что скорее всего он в комнате у Алисон, которая

нянчила его, как куклу. Она несколько лет просто обожала его и даже сейчас потакала братцу, покупая ему сладости и бейсбольные карточки. Хотя сама бейсбол терпеть не могла. Она и теперь охотно признавалась, что любит Энди.

- Ну как ты сегодня, коротышка? - Энди был выше многих одноклассников, но сестра постоянно поддразнивала его, напоминая, каким маленьким он был, когда появился на свет.

- Порядок, - скромно ответил он.

- Сегодня он герой дня, - похвасталась Пейдж.

Энди вспыхнул и побежал искать отца. Пейдж не последовала за сыном - она решила сразу заняться обедом.

- А как ты? - обратилась она к дочери, открывая холодильник. Сегодня они не собирались в ресторан, и было так жарко, что она подумывала о пикнике в саду. - С кем ты сегодня играла?

- С Хлоей и другими ребятами. Сегодня в клуб пришли парни из Брэнсона и Морской академии. Мы сыграли несколько сетов в микст, а потом я поиграла с Хлоей. А потом мы плавали. - Она говорила почти равнодушно; для нее роскошная жизнь в Калифорнии была обычным явлением, она ведь родилась здесь. Это для Брэда, родившегося на Среднем Западе, и Пейдж, появившейся на свет в Нью-Йорке, погода и все остальное казалось сказкой - но не для этих ребят. Для них это был привычный образ жизни. Пейдж иногда завидовала, как им повезло с самого начала, но и радовалась за них - именно этого она и хотела для своих детей. Спокойная, уютная, комфортная и здоровая жизнь, защищенность от жизненных невзгод и печалей. Она сделала все, чтобы обеспечить им это, и теперь могла наслаждаться этим приятным зрелищем.

- Неплохо. А что ты думаешь делать вечером? - Если у нее нет никаких планов или к ней собирается приехать Хлоя, то они с Брэдом могут поехать в кино, а Алисон посидит с Энди. А если есть, то ничего страшного. Они с Брэдом ничего не планировали на вечер. Хватит того, что можно будет посидеть в саду, поболтать и пораньше лечь спать. - Куда-нибудь собираешься?

Алисон резко повернулась к ней с таким видом, словно говорила: «Если ты не дашь мне это сделать, моя жизнь кончена».

– Отец Хлои обещал взять нас в ресторан, а потом в кино.

– О'кей, неважно. Я просто спросила.

Алисон мгновенно расслабилась, и Пейдж улыбнулась. Все-таки временами они так предсказуемы. Подростковый возраст, несмотря на счастливую жизнь в Калифорнии, не так-то легок – даже в нормальной семье каждый поступок всегда связан с тревогой и страхом. Да, это не так-то легко.

– А что за фильм? – Пейдж положила мясо размораживаться в микроволновую печь – она не собиралась сегодня соорудить что-то сногшибательное.

– Она не сказала. Вообще есть три фильма, что я хотела бы посмотреть, например, я не видела «Вудсток» – на фестивале его показывали. А ужинать мы будем в «Луиджи».

– Неплохо. Он вас балует.

Пейдж достала овощи и начала готовить салат. Украдкой она взглянула на дочь, восседающую на табуретке у кухонного стола. Она была красива, как фотомодель: огромные карие глаза, золотистые волосы – как у свекрови, кожа, золотистая от загара, хотя солнце только начало припекать. У нее была стройная фигура, длинные ноги и тонкая талия – неудивительно, что она обращает на себя внимание мужчин, особенно в последнее время. Пейдж иногда говорила Брэду, что хотела бы прикрепить к блузке дочери значок: «Осторожно, ей всего пятнадцать!» На нее оборачивались на улице даже тридцатилетние мужчины. Выглядела она лет на восемнадцать или даже на двадцать.

– Просто прекрасно, что мистер Торенсен решил провести с вами субботний вечер.

– А что ему еще делать, – ответила Алисон голосом маленькой девочки, и Пейдж рассмеялась – подростки бывают такими безжалостными, никогда не упустят случая наступить на большую мозоль.

– Откуда ты знаешь? – Жена Торенсена бросила его год назад и сразу после развода уехала в Европу, найдя работу в офисе театрального менеджера. Она хотела взять с собой и троих детей, чтобы отдать их в английские пансионы. Сама американка, она почему-то считала, что на свете нет ничего более полезного для детей, чем английские закрытые школы. Но Тригви Торенсен не собирался отдавать детей бывшей жене.

Судя по всему, его жена настолько устала за двадцать лет жизни в пригороде от исполнения обязанностей шофера, служанки, няньки и учительницы собственных детей, что больше всего на свете ей захотелось бросить все это. Абсолютно все: Тригви, детей, опостылевший Росс. Она ненавидела эту рутину всеми фибрами души. Дана Торенсен решила, что настал ее час. Она пыталась объяснить это мужу, достучаться до него, но Тригви не желал ни о чем и слышать – ему хотелось, чтобы все шло, как идет, и он просто не видел ее отчаяния.

Когда Дана уехала, дом чуть не рухнул. Пейдж потрясло то, что Дана бросила детей. Наверное, ей действительно пришлось туго в последние годы. Однако все в Россе были изумлены тем, что Тригви удалось справиться с детьми и домом. Он был свободным журналистом и поэтому мог работать дома. Ему это было по вкусу, и его в отличие от жены не тяготили родительские обязанности. Он на все смотрел с юмором и тепло относился к детям, за что его ценили окружающие. Иногда это давалось ему нелегко, но в общем он справлялся, и дети вовсе не чувствовали себя несчастными. Тригви выкраивал время для работы днем, пока дети были в школе, и вечером, когда они ложились спать. Остальное время Тригви проводил с ними. Его обожали большинство их приятелей. Так что Пейдж несколько не удивило, что он решил повести целую банду в ресторан и потом в кино.

Сыновья Торенсена уже учились в колледже, а Хлоя и Алисон были сверстницами. Хлое пятнадцать исполнилось на Рождество, она была так же красива, как Алисон, только в другом стиле: небольшая, черноволосая – в мать, с огромными голубыми нордическими глазами, доставшимися от отца, и прозрачной белой кожей. Тригви был норвежцем и до двенадцати лет жил в Норвегии, поэтому друзья до сих пор дразнили его «викингом», хотя он был американцем до мозга костей.

Он был красив, так что его развод взволновал сердце не одной одинокой женщины в Россе. Однако им пришлось несколько разочароваться – он так

разрывался между детьми и работой, что времени на женщин у него просто не оставалось. Пейдж подозревала, что дело не во времени, а в отсутствии интереса или доверия.

Все знали, что он страстно любил жену, и ни для кого не было тайной, что последние два года перед отъездом она надувала его. Пожалуй, брак и материнство были вообще не для нее. Тригви, со своей стороны, сделал все, что мог, и выдержал даже два примирительных срока. Однако он требовал от нее большего, чем она могла дать. Ему-то нужны были домохозяйка, полдюжины детей и простая семейная жизнь, отпуска на природе. Ей нужны были Нью-Йорк, Париж, Голливуд или Лондон.

Дана Торенсен была прямой противоположностью своему мужу. Они встретились в Голливуде, когда были совсем юными. Он только что окончил школу и начал писать сценарии, а она пробовалась как актриса. Ей нравилась эта профессия и совсем не хотелось переезжать в Сан-Франциско. Но тогда она слишком его любила, чтобы бросить. Она пыталась еще работать, сотрудничать с профсоюзом актеров в Сан-Франциско, но ничего не получилось – она слишком скучала по друзьям, по Голливуду и Лос-Анджелесу, по работе там, даже случайной. Неожиданно она забеременела, и Тригви, к ее удивлению, настоял на браке. Тут-то все и покатило под откос – пришлось играть роль, ей совершенно несвойственную. Когда ее второй сын, Бьорн, родился с синдромом Дауна, это оказалось для нее непосильным испытанием, и она начала винить во всем Тригви. Она точно знала, что больше не хочет детей и что не хочет даже быть замужем. Тут на свет появилась Хлоя, и все рухнуло для Даны. Жизнь для нее превратилась в кошмар. Тригви старался сделать все, что мог, он много печатался в «Нью-Йорк таймс» и других популярных газетах и журналах. Он вполне мог содержать свою семью. Но Дана не хотела сидеть дома. Все, что ей было нужно, – это свобода. А Тригви хотел, чтобы все шло так, как идет. И что было для Даны еще ужасней – он действительно оказался отличным отцом. Просто кошмар, что он женился на столь неподходящей женщине!

Он был добр и терпелив, с удовольствием делил компанию с друзьями своих детей, отправлялся с ними в походы и на рыбалку, был главной движущей силой в организации местных олимпийских игр, на которых блестяще выступил Бьорн. Все были в восторге, за исключением Даны – она, как ни пыталась, так и не научилась общаться с подростками. А Бьорн в ее глазах вообще был позорищем. В результате дело кончилось тем, что ее стали ненавидеть все, а она просто изводилась из-за своей горькой участи – от которой, кстати, немногие

отказались бы на ее месте: у нее были прекрасные дети (даже Бьорн, которого все считали лапушкой), отличный муж и прекрасный отец (из-за которого Дане завидовали многие женщины). Когда она пошла вразнос, заведя кучу любовников, это никого не удивило. А ей было наплевать, что о ней все думают, особенно Тригви. Она даже хотела, чтобы именно он положил этому конец.

Так что все облегченно вздохнули, когда она его наконец бросила – за исключением самого Тригви, годами плывшего по течению, убеждая себя, что все в порядке, все не так плохо. Он убеждал себя в том, чему мог поверить лишь он один: «...Она привыкнет... для нее непросто было бросить карьеру... она так страдала, когда пришлось уехать из Голливуда... она такая одаренная, ей трудно быть женой...» И конечно: «Бьорн – это нелегко пережить...» В общем, двадцать лет он убаюкивал себя такими сказками, пока она наконец не бросила его. И похоже, что ему самому стало от этого легче, и самое удивительное – ему не хотелось пройти через все эти мытарства снова, с другой женщиной. Только теперь Тригви понял, насколько это было чудовищно, и ему просто становилось плохо при мысли о том, что он может снова жениться или даже завести серьезные отношения с кем-либо еще. Все его знакомые женщины представлялись ему ястребами, стервятниками, жаждущими поживы, и он совсем не хотел становиться их очередной жертвой. Ему было хорошо и одному с детьми – пока.

– После того как Хлоина мама исчезла, у него не было ни одной приятельницы, то есть настоящей, а ведь прошел уже год. Он все время проводит с детьми, а ночью пишет про политику. Хлоя говорит, что он сейчас пишет книгу. И знаешь, мама, он очень любит куда-нибудь ходить вместе с нами. Во всяком случае, он сам так говорит.

– Вам повезло. Но что, если он когда-нибудь предпочтет вашей компании кого-либо еще? Ты не задумывалась об этом? – улыбнулась Пейдж.

Алисон пожала плечами – она себе не представляла, чтобы Тригви нужен был кто-нибудь еще. Она привыкла к тому, что Тригви Торенсен всегда готов общаться с ними, и ей никогда не приходило в голову, что дело не только в том, что он любил детей, но и в том, что он хотел заполнить пустоту, возникшую вследствие катастрофы, которую потерпел его брак.

– И кроме того, он любит проводить время с Бьорном. Мистер Торенсен учит его водить машину.

– Отличный парень. – Пейдж открыла кран и вымыла овощи, Алисон с удовольствием уплетала чипсы. – Как он, кстати? – Она давно не видела сына Тригви. Хотя и было заметно, что мальчик не такой, как все, его отец делал все, чтобы он рос и жил так, как и другие – здоровые дети.

– В порядке. Каждую субботу играет в бейсбол и с ума сходит по боулингу.

Потрясающе. И как ему удалось справиться с этим? В общем-то она могла понять Дану Торенсен, хотя и осуждала ее бегство. Она знала Тригви уже много лет, и он ей нравился, хотя они не были хорошо знакомы. Он не заслужил все эти напасти. Никто их не заслуживал, впрочем, но, насколько она могла судить, Тригви Торенсен был потрясающим отцом.

– Ты останешься у Торенсенов? – спросила Пейдж, выкладывая овощи на тарелку и вытирая руки. Она еще не видела Брэда и хотела поздороваться с ним, а заодно посмотреть, что делает Энди.

– Нет. – Алисон встала из-за стола, выбросила пустой пакет из-под чипсов и взялась за яблоко. Она перекинула косу через плечо. – Они сказали, что заезут меня домой после кино. У Хлои дело завтра рано утром.

– В воскресенье?! – поразилась Пейдж, выходя из кухни.

– Да... не знаю... может быть, тренировка... что-то в этом роде.

– Ну и когда ты выходишь?

– Я сказала, что мы встретимся в семь. – Наступила длинная пауза. Алисон пристально посмотрела на мать. В ее глазах мелькнуло что-то, но Пейдж так и не смогла определить, что было в ее взгляде. Какой-то секрет, тайна, которой она не хотела поделиться с матерью. – Мам, можно я возьму твой черный свитер?

– Пуховый? – Брэд подарил его на Рождество. Он не очень-то подходил для теплой погоды и был слишком роскошным для пятнадцатилетней девочки. Алисон утвердительно кивнула. Но Пейдж эта идея не понравилась.

- Не стоит. Он не совсем подходит для «Луиджи», да и фестиваль...

- Ну ладно... А розовый?

- Это лучше.

- Можно?

- Ладно, ладно... - Она покачала головой, шутливо изображая сожаление, и они разошлись. Алисон отправилась к себе, а Пейдж пошла искать мужа. В последнее время ей казалось, что между ними возникают какие-то препятствия и барьеры. Чтобы понимать друг друга как прежде, им приходилось совершать какой-то марафон из «не будешь ли ты любезен», «не подбросишь ли меня», «не составишь ли мне компанию», «можно ли мне попросить...», «как ты полагаешь...» и многих других «где», «как» и «когда».

Завернув за угол, Пейдж едва не столкнулась с Брэдом. Брэду Кларку вполне подошли бы определения «высокий», «статный» и «красивый». Это был коротко подстриженный брюнет шести футов четырех дюймов ростом, с большими карими глазами, мощной фигурой - широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги и такая улыбка, что у нее начинала кружиться голова. Когда она вошла в спальню, Брэд выпрямился, прекратив укладывать лежавший на кровати чемодан.

- Как прошла игра? - с интересом спросил он. С некоторых пор он не ездил на матчи - был слишком занят. Иногда ему казалось, что он вообще забыл, как играет его сын.

- Отлично. Твой сын просто молодчина, - улыбнулась Пейдж и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала мужа.

- Он тоже так говорит. - Его рука обхватила ее талию, и Брэд притянул ее к себе. - Я по тебе очень соскучился.

- Я тоже... - Она постояла так несколько секунд, уткнувшись в его ухо, а потом оторвалась и опустилась в кресло, а Брэд продолжил сборы.

Он часто собирался в поездку по воскресеньям, чтобы на следующий день отправиться в командировку. Но если было время, он старался сложить вещи по субботам, чтобы освободить воскресный день.

- Что ты думаешь насчет того, чтобы устроить сегодня небольшой пикник? Погода отличная, я как раз разморозила мясо. Будем только мы и Энди. Алисон собирается поехать с Хлоей.

- Неплохо было бы, - улыбнулся он, подходя к ней, - но ничего не получится. Ни одного места на Кливленд на завтра, так что придется лететь сегодня в девять вечера. Выезжать в аэропорт надо около семи.

Ее словно громом поразило, когда она услышала об этом - она-то рассчитывала побыть с ним весь день и еще посидеть в саду под луной.

- Малыш, мне правда жаль.

- Да... мне тоже... - Эта новость просто пришибла ее. - Я весь день думала о тебе.

Он присел на ручку ее кресла, и она улыбнулась ему. Она всегда старалась держаться молодчиной, и ей давно пора было бы привыкнуть к его командировкам, но почему-то не совсем получалось. Ей так не хватало его.

- Вряд ли воскресный Кливленд - подарок. Что тебе там делать одному в воскресенье? Весь день пропадет без толку! - Ей было искренне жаль его. Работа в рекламном агентстве заставляла его выкладываться. Но ведь он был их звездой, человеком, благодаря которому они были впереди всех. О его умении привлечь новых клиентов и, самое главное, удержать их ходили легенды.

- Я уже наметил программу: сначала отправлюсь играть в гольф с президентом компании, с которой должен работать. Я уже позвонил ему, он утром ждет меня в клубе. Так что воскресный день не будет потерян. - Он поцеловал ее в губы, и в ней снова поднялось желание. - Конечно, я бы предпочел остаться здесь, с тобой и с детьми, - прошептал он, когда она обняла его за шею.

- Бог с ними, с детьми, - прошептала она, и он рассмеялся.

– Хорошая идея... оставим ее до вторника... Я вернусь как раз к ночи.

– Я тебе напомню, – прошептала Пейдж, и они снова поцеловались.

Тут в спальню ворвался Энди.

– Алли оставила картошку на столе, и Лиззи ее жрет! Теперь ее стошнит прямо на кухне! – Лиззи звали их золотистого лабрадора, и она была известна своей неразборчивостью в еде и столь же слабым желудком. – Ну же, мама! Ее точно стошнит, если она сожрет все!

– О'кей, я уже иду... – Пейдж жалобно улыбнулась Брэду и отправилась за Энди. Брэд только хлопнул ее пониже спины.

Как и было сообщено, вся кухня была усыпана картофельными чипсами, и Лиззи увлеченно доедала их.

– Лиззи, фу! – устало проворчала Пейдж и принялась за уборку. Как плохо, что Брэд улетает в Кливленд. Ей так хотелось побыть с ним. Казалось, что их жизнь принадлежит кому угодно, только не им самим. Она повернулась к Энди. – Что скажешь о романтическом вечере с твоей старой мамочкой? Папа должен вечером улететь в Кливленд, так что мы можем отправиться куда-нибудь и заказать пиццу. – Пиццу или бифштексы они могли поесть и дома, но ей не хотелось оставаться дома без Брэда. Кроме того, вообще неплохо было бы прогуляться с Энди. – Ну, что ты скажешь?

– Я за, – восторженно выкрикнул он и вместе с Лиззи выбежал из кухни. Пейдж убрала мясо и салат обратно в холодильник и вернулась в спальню – было половина седьмого, и муж уже был готов выезжать. Он решил ехать в бежевых брюках, темно-синем двубортном блейзере и голубой рубашке. Воротник рубашки был расстегнут, Брэд выглядел так молодо и привлекательно, что она вдруг почувствовала себя старой и уставшей женщиной рядом с ним. Он ездил по миру, встречался с клиентами, делал бизнес, имел дело со взрослыми людьми, а она сидела с малышами и гладила его рубашки. Умываясь и причесываясь, она попыталась высказать это, но он только рассмеялся:

– Ну, конечно... ты ничего не делаешь... да ты ведешь хозяйство лучше всех на свете... Ты так умеешь ладить с детьми, да и со всеми остальными... И, кроме

того, ты расписываешь стены в школе и у наших друзей, даешь советы моим клиентам по интерьеру офисов и помогаешь друзьям, рисуешь. Черт побери, неужели это значит ничего не делать, Пейдж?!

Казалось, он иронизировал над ней, но все это было правдой, и она знала это – просто ей все это представлялось не таким значительным, поэтому она и считала, что ничем не занята. Может быть, дело в том, что она делала все это либо для друзей, либо бесплатно. После того, как она работала учеником дизайнера на Бродвее, ей нигде не платили, а ведь ей нравилась ее работа. Казалось, это было целую вечность назад – она рисовала пейзажи, занималась интерьером, и даже один театрик консультировался с ней относительно костюмов для постановки. Теперь она разве что мастерила костюмы для детей на Духов день, по крайней мере ей так казалось.

– Поверь мне, – продолжал Брэд, отнеся чемодан в гостиную и обнимая ее, – я бы с большим удовольствием занимался домашними делами, вместо того чтобы лететь в Кливленд.

– Жаль. – Да, ей жилось легче, чем ему, она знала это – он работал не покладая рук, чтобы обеспечить их. У ее родителей были небольшие деньги, но у его родителей ничего не было. Все, чего достиг Брэд, он достиг сам, и ему это дорого стоило. Он просто тянул из себя жилы, чтобы достичь успеха. Когда-нибудь он возглавит фирму, в которой работал, а если не эту, так другую. Многие хотели заполучить Брэда, и его фирма делала все, чтобы он был доволен. Сегодня, например, он летит в Кливленд первым классом, и ему забронировано место в «Тауэр-Сити-Плаза». Они не собирались давать кому бы то ни было шанс упрекнуть их в том, что они не ценят своего сотрудника.

– Вернусь вечером во вторник... я тебе позвоню!

Он зашел к детям, поцеловал Алисон, выглядевшую совсем взрослой в розовом свитере. К свитеру она надела короткую белую юбку. Длинные светлые волосы свободно падали на плечи, романтично обрамляя ее лицо, на котором был заметен неброский макияж.

– Ого! Кто же этот счастливчик?! – Было невозможно не заметить, как она красива.

- Хлоин отец, - усмехнулась она.

- Надеюсь, он не любитель малолетних, а то придется запретить тебе дружить с Хлоей. Ты выглядишь роскошно, принцесса!

- Папа! - Она смущенно опустила глаза, хотя на самом деле ей нравилось, когда отец хвалил ее, а он не скупился на комплименты. Ни для нее, ни для мамы, ни даже для Энди. - Он же такой старый!

- Отлично! Спасибо! А я-то думал, что Тригви Торенсен младше меня года на два. - Брэду было сорок четыре, хотя выглядел он моложе.

- Ты знаешь, о чем я.

- Н-да... к сожалению, понимаю... Ну ладно, малышка, веди себя сегодня хорошо и не огорчай маму. Я вернусь во вторник вечером.

- Пока, папа! Не скучай!

- А, да. Масса развлечений. В Кливленде. Ну какие могут быть у меня развлечения без вас?

- Папа, ты уезжаешь? - прижался к нему Энди. Энди любил проводить время с отцом.

- Ага. Оставляю тебя за главного в доме. Позаботься о маме. Во вторник вечером мне доложишь, как тебя слушались женщины.

Энди улыбнулся. Ему нравилось, когда папа оставлял его за старшего мужчину в семье, он воспринимал это всерьез.

- Сегодня вечером, - серьезным тоном доложил он, - я вывезу маму поужинать. Мы будем есть пиццу.

- Ладно, только следи, чтобы она не переела... у нее может заболеть живот... - Брэд заговорщически подмигнул сыну. - Знаешь, как у Лиззи!

– Ох! – скорчил рожу Энди, и все рассмеялись.

Энди проводил родителей до дверей. Брэд вывел машину из гаража, вылез и забросил чемодан в багажник. Потом обнял Пейдж и Энди.

– Мне будет вас не хватать, ребята, берегите друг друга! – сказал он, садясь в машину.

– Постараемся, – улыбнулась Пейдж в ответ. Она давно должна была бы привыкнуть к его отъездам, но так и не привыкла. Ладно еще, когда он уезжал вечером в воскресенье, это она еще могла понять, но в субботу... У нее было такое чувство, что ее обманули. Она так хотела быть с ним, и вот он уезжает. Вообще он столько ездит, что невозможно не думать о катастрофах – что, если с ним что-то случится? Что, если... нет, она этого не переживет. – Ты тоже берегись, – прошептала она, наклоняясь к спущенному окну машины и целуя мужа. Она с удовольствием отвезла бы его, но Брэд предпочитал, чтобы машина дожидалась его в аэропорту. Кроме того, во вторник вечером она вряд ли сможет заехать за ним в аэропорт, так что это упрощало дело. – Я люблю тебя.

– Я тоже, – тихо ответил он и, высунувшись, помахал рукой Энди. Она шагнула назад и тоже помахала ему. Машина тронулась. Было без пяти минут семь.

Пейдж взяла Энди за руку, и они вернулись в дом. Хотя Пейдж и пыталась не расклеиваться, но все равно чувствовала себя такой одинокой. Глупо. Она ведь взрослая женщина, она не должна настолько зависеть от других людей, даже от Брэда. Кроме того, через три дня он вернется, а она ведет себя так, словно он уехал на месяц!

Когда они вошли в дом, Алисон была уже полностью готова к выходу и выглядела великолепно: губы чуть-чуть блестели от бледно-розовой помады с блеском, ресницы чуть тронуты тушью. Она была в самом расцвете – юная, здоровая, ухоженная. Она была как раз в том возрасте, в каком попадают на обложку «Вог» фотомодели, и она, подумала Пейдж, гораздо красивее многих из них.

– Развлекайся, солнышко. Я жду тебя домой к одиннадцати. – Это было контрольное время, и Пейдж строго следила, чтобы Алисон не пересекала границы.

- Ну мама!

- И не думай. Одиннадцать – крайний срок, сама знаешь. – Ей ведь всего пятнадцать, с какой стати она должна задерживаться дольше.

- А что, если фильм будет длиннее?

- Ну ладно, полдвенадцатого. А если он будет еще длиннее, придется тебе уйти, не досмотрев.

- Ну спасибо.

- Не за что. Хочешь, подброшу тебя к Хлое?

- Нет, спасибо. Я дойду пешком. Пока.

Она выскользнула в дверь, а Пейдж направилась в спальню переодеться. Только она открыла шкаф, как раздался звонок. Звонила ее мать из Нью-Йорка. Пейдж сказала ей, что собирается с Энди пойти поужинать и перезвонит завтра. Когда они с Энди наконец уселись в машину, Алисон должна была уже подходить к дому Хлои.

- Ну-с, молодой человек, куда мы поедem на этот раз? «Домино» или «Шэйки»?

- «Домино». У «Шэйки» мы уже были в прошлый раз.

- Разумно. – Пейдж включила радио и предоставила Энди выбрать станцию. Для семилетнего мальчугана у него были довольно странные музыкальные пристрастия – в основном он копировал старшую сестру. Вот и теперь он выбрал ту, которую всегда слушала Алисон.

Через пять минут они были у ресторана, и настроение Пейдж улучшилось – тоска отпустила ее, она уже предвкушала приятный вечер с сыном. Им всегда было хорошо вместе. Энди рассказывал ей о друзьях, о школьных делах и о том, что, когда вырастет, станет учителем. Когда она спрашивала его почему, он объяснял, что ему всегда нравилось возиться с малышами, а еще его привлекали

длинные летние отпуска учителей.

- А может быть, я стану знаменитым баскетболистом, буду играть в «Джайантс» или «Метс».

- Тоже неплохо, - улыбнулась Пейдж.

С ним было так легко!

- Мама?

- Да?

- Ты ведь художник?

- В общем-то да. Я раньше была художником, но теперь не занимаюсь этим профессионально. Долгое время не занималась.

Он кивнул, явно что-то обдумывая.

- Мне нравится твоя роспись в школе.

- Я рада. Мне тоже нравится. Мне было приятно расписывать стену в вашей школе. Может быть, я соберусь и распишу еще одну.

Ему эта идея явно понравилась. Энди сам расплатился, оставив официанту на чай сумму, которую она ему назвала, положил руку на ее талию, и они направились к стоянке машин.

Через десять минут они уже были дома. Энди принял душ и пришел к ней в спальню посмотреть перед сном вместе с ней телевизор. Наконец он заснул прямо в ее постели, и она, улыбаясь, завернула его в одеяло и поцеловала. Он был уже большим мальчиком, но для нее оставался - и останется - малышом. В общем-то и Алисон тоже, в каком-то смысле. Наверное, дети никогда не вырастают для матери, подумала она, вспоминая, как хорошо выглядела Алисон в ее розовом свитере, отправляясь на вечер к Торенсенам.

Потом Пейдж стала думать о Брэде. Вернувшись из ресторана, она нашла запись на автоответчике, он звонил из аэропорта. Он знал, конечно, что они должны поехать в ресторан, но все равно позвонил, чтобы сказать, как он любит ее.

Она вернулась к телевизору. Пейдж устала и хотела спать, но решила дождаться Алисон. Она еще не была настолько уверена в дочери, чтобы лечь спать, не убедившись, что та пришла, – она хотела знать наверняка, что Алисон вернулась, поэтому ждала назначенного ею времени.

В одиннадцать передавали новости. Ничего особенного, и, самое главное, никаких авиакатастроф. Она всегда так боялась за Брэда – слава богу, ничего плохого не случилось. Перестрелка в Окленде, мафиозные разборки, перебранка политиков и небольшая авария на местной станции аэрации. И кроме того, было еще какое-то дорожно-транспортное происшествие на мосту Золотые Ворота, всего за несколько минут до того, как закрыли въезд на него, но это уже к Пейдж не имело никакого отношения. Брэд был в воздухе, а Алисон – с Торенсенами. Энди – в постели рядом с ней. Так что ее цыплята на месте. Ей было за что быть благодарной господе. Она смотрела на часы, дожидаясь возвращения Алисон. Было уже 11.20, и, насколько Пейдж знала Алисон, в 11.29 она ворвется в дверь с сияющими глазами, развевающимися волосами... и наверняка с пятном от пиццы на одолженном у матери розовом свитере. Пейдж улыбнулась и поудобнее устроилась в постели, приготовившись послушать сводку погоды в конце программы новостей.

Глава 2

Алисон торопилась – она уже на пять минут опаздывала на встречу с Хлоей, а предстояло пройти еще три квартала. Она явно опаздывала. Они договорились встретиться на углу Шэйди-Лэйн и Лагунитас, примерно на середине между их домами.

Когда Алисон подбежала к назначенному месту, задыхаясь и покрасневшись от бега, Хлоя была уже там.

– Ого! Вот это да! – изумленно воскликнула Хлоя. – Это мамин? – Она сама уже не могла пользоваться обширным гардеробом матери, так что черный свитер, что

был на ней самой, Хлоя позаимствовала у старшей сестры своей школьной подруги. Точнее говоря, эта подруга тайно взяла его у сестры, так что, если свитер не окажется на месте утром в воскресенье, полетит немало голов. Это был черный свитер с высоким воротом, и Хлоя надела к нему черную кожаную мини-юбку, позаимствованную у другой подруги, и черные плотные колготки, которые ее мать оставила в комод, когда уезжала в Англию.

– Клево выглядишь, – кивнула Алисон, тщательно осмотрев наряд подруги. Она с неудовольствием подумала, что рядом с Хлоей выглядит как раскрашенная кукла Барби. Впрочем, в любом случае они были слишком разные. Черный свитер и юбка подчеркивали контраст блестящих черных волос и ослепительно-белой кожи Хлои. Рядом с Алисон Хлоя была похожа на хрупкую танцовщицу. Впрочем, одиннадцать лет в балетной школе не прошли даром – каждое движение выдавало в ней балерину. Осенью она должна была пойти в балетную школу Сан-Франциско, куда ее уже приняли после нескольких тяжелейших экзаменов. Хлоя время от времени смотрела то на часы, то на улицу, а Алисон обеспокоенно – на Хлою.

– Слушай, Хлоя, может быть, передумаем, пока не поздно? Не надо было все это затевать, – чуть не плача, говорила Алисон, уже начав раскаиваться в содеянном.

– Что ты несешь?! – с ужасом ответила Хлоя. – Это два лучших парня во всей школе! А Филипп Чэпмен – выпускник!

Филипп предназначался Алисон, а Джейми Эпплгейт был парнем Хлои, страдавшей по нему уже второй год. Он был младше Филиппа, и оба они были членами команды по плаванию.

Это Джейми предложил встретиться, а Хлоя все организовала. Сначала она поговорила с Алисон, и та сразу сказала, что мать не отпустит ее на свидание со старшеклассником. Пока что все ее свидания ограничивались походами в кино с мальчиками, с которыми она была давно знакома, или же в компании сверстников, которых подвозили чьи-либо родители – ни у кого из ее ровесников не было водительских прав, так что проблема транспортировки стояла очень остро. Были еще вечеринки и краткие увлечения на несколько недель перед Рождеством, но, как правило, после Нового года эти увлечения бесследно проходили. Так что настоящего свидания с настоящим парнем, который бы приехал на настоящей машине и повез ее в настоящий ресторан, – такого в ее

жизни еще не было. До сегодняшнего вечера. Так что все было по-настоящему – даже слишком.

После продолжительных консультаций с Алисон и другими подругами Хлоя также пришла к выводу, что отец будет против ее свидания с Джейми Эпплгейтом. Во всяком случае, против того, чтобы Джейми был за рулем. Она заранее знала, что скажет ей отец. Первое – что они едва знакомы. Разумеется, если бы Джейми пару раз у них поужинал, зашел бы поговорить, тогда все было бы иначе. Но теперь уже не оставалось времени – во всяком случае, она не собиралась терять такую возможность, которая могла никогда не повториться. Как говорится, лови момент. И она ловила. Она убедила Алисон, что единственный выход – наврать родителям. Только один раз. Один раз – не страшно, и если ребята им понравятся и они захотят продолжить знакомство, то проведут всю подготовительную работу с родителями. Так что это всего лишь проба.

Сначала Алисон ни за что не соглашалась на это, но Филипп был так красив, такой клевый и крутой старшеклассник, что она не смогла устоять перед искушением. Хлоя была права. После бесконечных телефонных переговоров шепотом они наконец решили назначить встречу неподалеку от дома Хлои.

– Что, не разрешают ходить на свидания? – съязвил Джейми, когда Хлоя сообщила ему, где девочки будут их ждать.

– Разрешают. Просто не хочу, чтобы мои братья набили тебе морду, если ты им не понравишься, – ответила она ему, стараясь выдумать объяснение поправдоподобней. Однако Джейми спокойно повторил адрес и пообещал созвониться с Филиппом Чэпменом. У того была машина, и он-то и отвезет их всех к «Луиджи».

– Платим каждый за себя? – спросила напоследок Хлоя. Это тоже было проблемой – она уже потратила практически все карманные деньги на туфли, которые не должна была покупать. В пятнадцать лет жизнь бывает чересчур сложна. Кроме того, она одолжила пять долларов Пенни Моррис, как оказывается, не вовремя. Слава богу, Джейми в ответ только рассмеялся. Вообще, у него был заразительный смех, ослепительная улыбка, он был рыжий и чертовски нравился Хлое.

– Не глупи. Мы вас приглашаем. – Да, все было по-настоящему. Настоящее свидание с настоящими старшекласниками. Это было так восхитительно, что подружки прошешукались всю неделю, предвкушая его. Они просто не могли дождаться этого вечера. И вот наконец он настал. Только ребята опаздывали, и Алисон уже подумывала, не подшутили ли они над ними.

– Может, они не приедут? – взволнованно прошептала Алисон, чувствуя даже какое-то облегчение. – Может, это просто шутка? С чего бы это Филипп захотел со мной встречаться? Ему уже семнадцать, почти даже восемнадцать – через два месяца он заканчивает школу. И он капитан команды по плаванию.

– Ну и что? – начала лихорадочно убеждать ее Хлоя, хотя и сама уже волновалась, что ребята не приедут. – Ты такая красивая, Алли! Он должен быть счастлив, что ты согласилась поужинать с ним.

– Может быть, у него другое мнение.

Но только она это сказала, как из-за угла вывернул старый серый «Мерседес», остановившийся прямо перед ними. За рулем сидел Филипп, а Джейми рядом. Оба были в блейзерах и светлых брюках, при галстуках и выглядели потрясающе.

Филипп махнул девочкам рукой, чтобы они сели, и объяснил:

– Привет! Извините за опоздание, я хотел залить бак и не мог найти заправку с соляркой.

Джейми помог Хлое устроиться на заднем сиденье. Он был явно поражен ее блестящими волосами и черной кожаной мини-юбкой и не смог удержаться от комплимента. Они отлично смотрелись со стороны, на вид им нельзя было дать меньше восемнадцати лет. Машина двинулась к «Луиджи».

– Пристегните ремни, – сказал Филипп серьезным тоном, так что все сразу ощутили себя взрослыми. Хлоя и Джейми болтали на заднем сиденье, словно они в течение уже нескольких лет выезжали вместе по субботам в рестораны и относились к этому совершенно спокойно.

Филипп повернулся к Алисон:

– Ты отлично выглядишь, я рад, что вам удалось вырваться.

– Я тоже, – вспыхнула Алисон и улыбнулась, отчаянно стараясь не показать своего волнения.

– Ваши предки волновались из-за нас или из-за машины? – перешел он к сути дела, и Алисон заколебалась – не соврать ли, что у них вообще не было проблем? Потом она пожала плечами и, решив, что с таким парнем надо вести себя честно, ответила:

– Возможно, из-за того и другого вместе. Я не спрашивала. Они не хотят, чтобы я куда-нибудь выезжала без взрослых. Они просто выйдут из себя, если узнают.

– Может, они и правы. Но я неплохо вожу машину. Мой отец научил меня водить, когда мне было всего девять лет. – Он посмотрел на нее и улыбнулся. – Может быть, стоило бы заехать к вам и познакомиться с ними. От этого могла бы быть польза.

Или нет – это зависит от того, как бы ее родители восприняли то, что она ходит на свидания с парнем на три года ее старше. А может быть, он бы им вообще не понравился? Хотя вряд ли – он такой приличный, вежливый и милый. Филиппа Чэпмена не назовешь неблагополучным подростком.

– Я тоже так думаю, – ответила она, радуясь тому, что он хочет успокоить ее и самостоятельно уладить проблему с ее родителями.

Так они болтали всю дорогу, а Хлоя хихикала на заднем сиденье. Джейми рассказывал ей какие-то неприличные истории про команду, в основном выдумывая их на ходу, как полагал Филипп, более серьезный и приятный в общении, с точки зрения Алисон. К тому моменту, как они заказали ужин в ресторане, Алисон решила, что он ей и в самом деле нравится.

Филипп удивил ее, заказав себе и Джейми вина, а потом предложив и им выпить. У них были поддельные удостоверения личности, но официант даже не спросил их о возрасте, просто принес два бокала красного вина и даже

повернулся спиной, когда ребята дали девочкам попробовать вино из своих бокалов. Филипп допил свое вино, когда подали десерт, а потом он выпил две чашечки крепчайшего кофе.

- Ты всегда заказываешь вино? - не смогла удержаться от вопроса Алисон. Ей родители разрешали выпить немного шампанского только на Рождество. Пару раз она пробовала пиво, но оно ей не понравилось. Само по себе это было волнующе, но на вкус вино было не лучше пива.

- Иногда, - ответил он. - Когда я отдыхаю, то не прочь выпить бокал вина. И дома, с родителями. Они также не имеют ничего против, если я пью с ними, когда мы выезжаем в ресторан. - Но родители Филиппа определенно не одобрили бы то, что он заказывал вино, имея поддельное удостоверение, и, кроме того, еще и собирался после этого вести машину. Филипп отлично знал это. Но ему хотелось выглядеть смелым и самостоятельным в присутствии двух девочек.

- Ты не боишься после этого вести машину? - озабоченно спросила Алисон.

- Никаких проблем, - уверенно ответил он, - от одного бокала меня не забирает, и больше бокала я пить бы не стал. К тому же я выпил две чашки кофе.

- Я заметила, - улыбнулась Алисон. - Рада за тебя. - Она вела себя сдержанно, - он был такой красивый и взрослый, но она решила с ним не кокетничать, и, похоже, ему это нравилось.

- А ты боишься?

- Немного.

- Не стоит, - улыбнулся он и положил свою ладонь на ее руку. Их глаза на секунду встретились, и они оба тут же отвели взгляды. Для Алисон это было волшебное ощущение. Хлоя и Джейми болтали о том, что будет делать Хлоя в балетной школе. Джейми захлеб говорил о том, как был рад, когда увидел ее в выступлении, на которое его приволокла сестра.

– Спасибо, – просияла Хлоя. Она была просто без ума от Джейми, и его похвала многое для нее значила. – Тебе понравилось?

– Честно говоря, не очень, – ухмыльнулся он. – Но хотя мне не понравилось, ты была великолепна, и моя сестра тоже так считает.

– Мы вместе с ней занимались балетом, пока она не бросила.

– Я знаю. Она просто не выдержала, но тебя хвалила.

– Может быть... я не знаю... иногда мне кажется, что напрасно я потратила столько сил на эти занятия, но все-таки мне это нравится.

– Похоже, что это как плавание, – улыбнулся Филипп и предложил поехать в бар выпить капучино. – Что вы думаете о Юнион-стрит? Мы могли бы прогуляться и выпить где-нибудь кофе. А?

– Отлично! – поддержал его Джейми.

– Здорово! – согласилась Хлоя.

Алисон идея поехать в город не понравилась – и так она уже наврала дома, а тут еще одна поездка. Но Юнион-стрит все-таки премилое местечко, и кофе – это не виски.

– Если я успею вернуться домой к половине двенадцатого, тогда согласна, – решила она, стараясь не выдавать своего волнения.

– Тогда двинулись!

Филипп оставил приличные чаевые, и они отправились в город. По дороге он объяснил, что на самом деле это машина его матери, обычно ему доверяют старый минивэн, но это такая ужасная колымага, что он взял «Мерседес» матери, благо родители отправились на уик-энд на Пebbл-Бич.

Они проехали мост Золотые Ворота и повернули направо на Ломбард-стрит, а затем на юг, к Филлмор и Юнион. Довольно долго пришлось искать место для

парковки. Поставив наконец машину, они отправились прогуляться по улице, разглядывая бары и магазины. Был теплый субботний вечер, на улицах полно людей, так что прогулка всем доставила удовольствие. Алисон чувствовала себя страшно взрослой, когда шла рядом с высоким, красивым Филиппом, к тому же обнимавшим ее за плечи.

Он рассказывал ей о своих планах на будущее. Его уже зачислили в университет штата Калифорния, в Лос-Анджелесе, и в сентябре он станет студентом. Он сам хотел учиться в Йеле, но родители были против того, чтобы он уезжал на Восток. Они были уже в возрасте, Филипп был их единственным сыном, и они не хотели, чтобы он раньше времени покидал дом. Впрочем, он не имел ничего против Лос-Анджелеса, так что Алисон, если захочет, может навестить его в сентябре. Это предложение ее потрясло – она даже не посмела бы сказать об этом родителям. Она рассмеялась, просто представив себе эту сцену, и он понял, почему она смеется.

– Это, наверное, немного слишком для первого вечера, а? Как насчет кофе? – Он, похоже, очень хорошо понимал все. Они направились пить капучино, просидели до десяти, и он нравился ей все больше и больше. В какой-то момент он так близко придвинулся к ней за столом, чтобы шепнуть что-то на ухо, что почти коснулся ее лица своими губами. Хлоя и Джейми ничего не замечали – так были погружены в свою беседу.

В баре они не пили вина и поднялись из-за столика в пять минут одиннадцатого. Они медленно прошлись к машине, полагая, что в такое время суток они спокойно вернутся к назначенному времени.

– Мне было очень хорошо, – тихо сказала она Филиппу, садясь в машину и пристегивая ремень безопасности.

– И мне, – улыбнулся он.

Все-таки он казался ей таким взрослым и потому неприступным – неужели он согласится встретиться с ней еще раз или сегодня он просто старается быть с ней поласковее? Трудно сказать, но она сама не прочь поближе познакомиться с ним.

Он спокойно проехал Ломбард-стрит и выехал на мост. Погода стояла прекрасная – на небе было видно каждую звездочку, залив поблескивал в лунном свете, воздух был мягок и прозрачен. Смог словно куда-то испарился к ночи. В общем, это был самый романтический вечер в жизни Алисон.

– Как хорошо! – прошептала она как бы про себя, когда они пересекали мост. С заднего сиденья слышалось хихиканье.

– Вы, там, ремни пристегнули? – спросил Филипп, снова становясь серьезным.

– Ладно, занимайся своей работой, Чэпмен! – рассмеялся Джейми.

– После моста я остановлюсь, если вы не пристегнетесь. Ладно, ребята, застегните ремни!

Однако щелчка так и не раздалось. Наоборот, наступило многозначительное молчание, и Алисон не решилась обернуться. Поэтому, растерянно улыбаясь, она взглянула на Филиппа.

– Что ты делаешь завтра вечером, Алисон? – спросил он.

– Я... еще не знаю... По воскресеньям я не выхожу вечером. – Она по-прежнему хотела быть откровенной. Она ведь не выпускница. Ей всего пятнадцать лет, и она должна следовать правилам, как бы сама к ним ни относилась. Сегодня было хорошо, но она слишком нервничала из-за того, что обманывает и делает что-то запретное. Ей понравилось то, что он был готов познакомиться с ее родителями, но ей вовсе не хотелось снова их обманывать, чтобы увидеться с ним. А Хлоя с Джейми пусть делают все, что им угодно.

Но Филиппа вовсе не огорчило ее заявление – он знал, как она молода, но для своего возраста она была слишком яркой и просто потрясающей. Ему нравилось быть с ней, и он готов был играть по ее правилам, чтобы не потерять ее.

– Завтра днем у меня тренировка, но потом я мог бы зайти к вам... посидеть у вас... познакомиться с твоими родителями. Что ты об этом думаешь?

– Отлично, – просияла она. – Ты в самом деле этого хочешь? – Он утвердительно кивнул и так на нее посмотрел, что у нее сердце перевернулось в груди. – Я подумала... мне кажется... я не знаю, но, наверное, для тебя это не так просто...

– Когда я предложил это свидание, я знал, чего ожидать. Меня удивило то, что ты согласилась, хотя я не бывал у тебя дома и не представлен твоим родителям. И потом... я подумал, что ты, наверное, ничего не сказала им. Но ты ведь не хочешь обманывать их и дальше?

– Нет, – она помотала головой, – конечно, нет, по крайней мере мне кажется... если бы мои родители узнали, они бы меня убили.

– И меня моя мать, если бы узнала, что я взял ее машину... – Он ухмыльнулся и стал похожим на маленького мальчика. Они оба рассмеялись. Они знали, что этим вечером нарушили правила, но и Алисон, и Филипп были вовсе не плохими ребятами, они не хотели огорчать близких, просто их манила взрослая жизнь, полная неизвестности и запрещенных развлечений.

Машина приближалась к середине моста. Хлоя и Джейми по-прежнему шептались на заднем сиденье, и временами их шепот прерывался многозначительной тишиной. Филипп привлек к себе Алисон, насколько это позволял ремень. Алисон подвинулась поближе к юноше и даже решила отстегнуть ремень, но Филипп удержал ее руку. Он отвел глаза от дороги, чтобы заглянуть ей в глаза, а когда снова посмотрел на дорогу, заметил... но было уже слишком поздно. Сноп огней ослепил его, а затем яркая вспышка разорвала темноту. Пламя, рев, грохот, скрежет металла, осколки стекла – машины врезались друг в друга, как разъяренные быки. Мчащиеся по мосту автомобили начали вилять, чтобы избежать столкновения с покалеченными машинами, ревели, захлебываясь, гудки, визжали тормоза. Но все звуки перекрыл мощный взрыв, и все смолкло. Давящая тишина словно заставила замереть все вокруг.

Две искореженные машины переплелись в смертельном объятии. В отдалении слышались гудки и наконец протяжный вой сирены. И снова все пришло в движение. Люди начали выскакивать из машин. Они мчались к сцепившимся автомобилям, словно сплавившимся в единую массу... и люди бежали к ним. Звук сирены приближался. Казалось невероятным, что в этом смертельном столкновении кто-то мог уцелеть.

Глава 3

Первыми к серому «Мерседесу» подбежали двое мужчин. Они обнаружили, что произошло лобовое столкновение с черным «Линкольном». Капоты сплющились, и казалось, что машины впаяны друг в друга – если бы не цвет кузова, невозможно было бы определить, где какая машина. Чуть в стороне, что-то шепча и стеновая, замерла в ужасном оцепенении какая-то женщина. К ней направились двое других водителей, а первые пытались заглянуть внутрь «Мерседеса». Один из них, на котором была спецовка, принес с собой фонарь, а другой, помоложе, в джинсах, сказал, что он врач.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил первый, вглядываясь внутрь и чувствуя, как у него волосы встают дыбом – он много повидал на своем веку, но такого не видел. Он сам едва не врезался в столкнувшиеся машины и едва успел отвернуть руль. Теперь движение на мосту на всех полосах было остановлено.

Сначала разглядеть что-либо было просто невозможно, несмотря на дорожные огни, – так все внутри сплющилось. Потом они увидели мужчину – он был спрессован в невозможном положении: затылок прижат к дверце, шея вывернута. Сразу было ясно, что он мертв, но врач все же попытался нащупать пульс – безуспешно.

– Этот мертв, – бросил врач своему спутнику, и тот осветил фонариком на заднее сиденье. Оттуда на него пристально смотрел подросток. Он явно был в сознании, но продолжал молча смотреть на мужчину.

– Ты жив? – спросил он, и Джейми Эпплгейт кивнул. У него была царапина над глазом – вероятно, он ударился головой, но в остальном, как это ни удивительно, он был цел и невредим, разве что в шоке.

Мужчина с фонариком подергал дверцу с его стороны, но напрасно – все было намертво сжато.

– Потерпи, сынок, – как можно спокойнее сказал мужчина, – через пару минут подоспеет дорожный патруль.

Джейми едва заметно кивнул. Он был в шоке и не мог говорить, просто смотрел на двоих мужчин. Тот, что был с фонариком, решил, что у парня контузия.

К Джейми подошел врач и стал что-то говорить ему через разбитое окно, и тут с заднего сиденья раздался протяжный стон, а потом крик, переходящий в визг. Это была Хлоя. Джейми медленно повернул к ней голову и посмотрел на нее, словно не понимая, как она тут очутилась.

Доктор обежал машину, а мужчина с фонариком стал светить на заднее сиденье со своего места. Тут они увидели ее – Хлою сдавило между передним и задним сиденьями. Они не могли видеть ее ноги, но девушка истерически всхлипывала и все время повторяла, что не может пошевелиться, что ей больно, а они пытались успокоить ее. Джейми продолжал непонимающе смотреть на нее. Он что-то сказал, обращаясь к Филиппу.

– Сидите спокойно, – сказал им человек с фонариком. – Помощь идет. – Они слышали sireны приближающихся машин «Скорой помощи», но вопли девушки становились все пронзительнее.

– Я не могу двинуться... не могу... не могу дышать... – Она стонала, панически пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха, и молодой врач занялся ею, уговаривая и успокаивая ее:

– С тобой все в порядке... ты цела... через пару минут мы тебя извлечем... Ну, попытайся дышать спокойнее... ну же... держи меня за руку... – Он протянул ей руку и увидел в свете фонарика, что на ее руках кровь. Но больше он ничего не смог рассмотреть в тусклом свете. Самое главное, она пришла в сознание и была способна говорить с ним, а значит, что бы ни было с ее ногами, она жива, и были все основания полагать, что она выживет.

Тут человек с фонариком перевел луч вперед – он заметил, что на переднем сиденье есть еще одна девушка, совершенно неподвижная и безмолвная. Сначала они ее не заметили, так как девушку почти целиком накрыла боковая дверца, видна была лишь ее голова. Доктор продолжал успокаивать Хлою, а мужчина с фонариком попытался открыть переднюю дверь, чтобы освободить девушку, лежащую впереди. Тщетно – дверь не поддавалась, а девушка не подавала признаков жизни даже тогда, когда он протянул руку сквозь разбитое окно и прикоснулся к ней. Он что-то тихо сказал доктору, тот глянул на девушку

и ответил, что она скорее всего мертва, как и водитель. Но все же решил проверить и, оставив другого мужчину успокаивать Хлою, попытался нащупать пульс у нее на шее. Как ни странно, он наконец почувствовал под рукой слабое прерывистое биение, но дыхания почти не было слышно. Ее голова, волосы, лицо были в крови, свитер казался красным от крови, она была вся в порезах и, судя по всему, сильно ударилась головой при столкновении. Ее жизнь висела на волоске, и он подумал, что девушка вряд ли доживет до того, как бригада «Скорой помощи» извлечет ее из останков машины. Он ничего не мог сделать, даже искусственного дыхания, если бы она вдруг перестала дышать. Все, что он мог сделать, – просто стоять рядом и беспомощно смотреть на нее. Да, насколько он мог судить, двое на переднем сиденье – не жильцы. Тем же двоим на заднем сиденье просто повезло.

– Черт, что они там чешутся?! – тихо выругался человек с фонариком, сокрушенно качая головой.

– Да, что-то не торопятся, – так же тихо ответил доктор. Ему приходилось работать на «Скорой помощи» в Нью-Йорке десять лет назад, и он повидал на своем веку ужасов – на дорогах, на улицах, в городских гетто. Ему приходилось принимать и роды в трущобах, но чаще бывали вот такие аварии, в которых не было выживших. – Но они должны быть с минуты на минуту.

Второй мужчина продолжал чертыхаться – стенания Хлои становились все жалобнее, а на лицо Алисон он просто боялся смотреть – да и осталось ли у нее лицо?

Наконец они подъехали – две пожарные машины, реанимация, три полицейские машины. Несколько человек стали докладывать по рациям об аварии, остальные приблизились к столкнувшимся машинам и подтвердили первоначальную информацию: в одной машине четверо пострадавших, двое, судя по всему, безнадежны. Водитель второй машины, женщина, чудом осталась живой и, за исключением нескольких ушибов и царапин, невредимой. Это она рыдала теперь на обочине, ее утешал водитель одной из остановившихся машин.

Трое пожарных, двое полицейских и двое реаниматоров подошли к машине одновременно. Остальные полицейские занялись восстановлением движения, направляя его в обход столкнувшихся машин, организовав одностороннее движение в один ряд – их собственные машины усугубили пробку, так что теперь проезжающим приходилось осторожно пробираться в одном ряду мимо

машин «Скорой помощи» и столкнувшихся автомобилей и становиться невольными наблюдателями катастрофы.

– Что тут у нас? – Начальник патруля бросил взгляд на «Мерседес» и, увидев Филиппа, покачал головой.

– Он мертв, – быстро ответил врач, и один из реаниматоров кивнул, подтверждая это. И так, один погибший. Секунда – и оборвалась молодая жизнь. Сколько лет этому мальчишке, каким он был, как любили его родители – все это уже не имеет значения. Теперь он мертв, и вся его жизнь – прошлое. Филипп Чэпмен, семнадцати лет, погиб теплой апрельской ночью.

– Мы не смогли открыть двери, – продолжал рассказывать доктор. – Девушку на заднем сиденье зажал, и, мне кажется, у нее тяжелые повреждения нижних конечностей. Парень в порядке. – Он кивнул на бессмысленно смотревшего на них Джейми. – Он в шоке, и его надо везти в госпиталь, чтобы оценить состояние. Но я думаю, что с ним все будет в порядке, похоже, у него лишь контузия.

Медики занялись осмотром Алисон, насколько позволяла ситуация. Пожарные уже вызвали по радиации спасательную команду со специальным устройством для разрезания машин.

– А что с девушкой на переднем сиденье, док?

– Похоже, она не выживет. – Врач по-прежнему держал запястье Алисон, пытаясь нащупать пульс. Она была жива, но жизнь утекала из нее с каждой секундой, и ничем нельзя было ей помочь до тех пор, пока не прибыла аварийная группа.

– Очевидно, она сильно ударилась головой, и бог знает, что там еще, – произнес врач. Искореженный металл сжимал ее, как непроницаемый кокон, они не видели ее тела, поэтому предположения были самые безнадежные. Невозможно поверить в то, что эта девушка выживет.

Вдруг пронзительно закричала Хлоя – то ли она услышала их разговор, то ли кричала от боли. Успокоить ее было невозможно, вряд ли она осознавала, где находится и что с ней, она просто кричала, пыталась высвободить ноги и

пошевелиться, что только усиливало ее боль. Реаниматоры были даже рады ее крикам – значит, она не потеряла чувствительность. Слишком часто им приходилось сталкиваться со случаями, когда люди, извлеченные из-под обломков, уже не чувствовали боли.

– Спокойно, малышка, через пару минут мы тебя достанем отсюда. Потерпи еще. Скоро ты будешь дома, – успокаивал ее пожарный. Полицейским удалось открыть ломиком переднюю дверцу. Окно уже очистили от осколков при помощи одеяла. Они осторожно вытянули тело Филиппа и положили его на носилки, прикрыли простыней и покатали к реанимационной машине. Потрясенные водители смотрели на это зрелище, некоторые плакали – плакали по совершенно незнакомому парню, так нелепо погибшему теплой весенней ночью.

Доктору наконец удалось добраться до Алисон и определить ее состояние. Оно явно ухудшалось, дыхание девушки становилось прерывистым. Реаниматорам пришлось дать ей кислород – в рот Алисон вставили трубку, подсоединенную к баллону. Ее «надували», как это называлось, чтобы поддержать дыхание, и в самом деле – только кислород и искусственное дыхание могли спасти ее сейчас. Ее руки были залиты кровью, и померить давление было невозможно, но доктор и так видел, что девушка умирает у него на руках и, если им не удастся немедленно освободить ее, она умрет, как и ее спутник. Да, вряд ли она выживет. Но даже сейчас, когда лицо ее было залито кровью, он видел, как она молода, и хотел сделать все, чтобы она осталась жить.

– Ну же, девочка... давай... не уходи... – Его слова звучали почти как молитва. Он повернулся и бросил реаниматору: – Еще кислорода!

Некоторое время они смотрели, как она дышит. Они знали, что просто держатся за соломинку – если не доставить ее немедленно в госпиталь, она умрет.

Наконец прибыли спасатели – пять человек, они выскочили из машины и бросились к месту аварии. Мгновенно оценив ситуацию, они приступили к работе.

К этому времени Хлоя начала терять сознание. Но сначала необходимо было освободить другую девушку, которая могла умереть, если они за несколько минут, нет, секунд, не вытащат ее из машины. Что бы там ни было с Хлоей, она могла подождать, она была вне смертельной опасности. Кроме того, все равно

они не смогут ее вытащить, пока не освободят переднее сиденье и не вынут Алисон.

Один из спасателей зафиксировал машину клиньями и распорками, двое других мгновенно очистили окна от остатков стекол, четвертый спустил шины. Пассажиров накрыли пленкой, чтобы стекла их не задела, спасатель помоложе орудовал плоским топориком, а другой подставил одеяло, чтобы подхватить осколки стекла. Они действовали на удивление слаженно. А ведь прошла всего минута, как они прибыли на место происшествия! Наблюдавший за ними врач понял, что если девушке и суждено выжить, то только благодаря их четкой, быстрой, почти хирургически точной работе.

Один из спасателей проник внутрь и вынул ключ зажигания, перерезал ремни безопасности. Остальные при помощи гидравлического резака и ручных пил начали быстро снимать крышу. Стоял ужасный шум, сквозь который едва были слышны вопли Хлои и стоны Джейми. Но Алисон даже не шелохнулась, а реаниматоры продолжали «надувать» ее.

За несколько секунд спасатели сняли крышу, прорезали дыру в двери и вставили так называемые «челюсти жизни». Аппарат сам по себе весил килограммов пятьдесят, его держали двое спасателей, а грохотал он, как отбойный молоток. Теперь и Джейми начал кричать, но грохот машины перекрывал их голоса. Только Алисон не подавала признаков жизни, и один из реаниматоров пристроился рядом с ней, контролируя электростимулятор и кислородный шланг.

Наконец спасателям удалось снять дверь, и они немедленно приступили к удалению приборного щитка и руля. Для этого они использовали девятифутовые цепи и огромный крюк. Не успели они еще отделить эти части от машины, как реаниматоры подложили под Алисон доску, чтобы обезопасить ее. И вот весь перед автомобиля был снят, и можно было наконец вынуть Алисон наружу. Реаниматоры склонились над ней, определяя повреждения. Похоже, она ударилась лбом и виском, и сильно, так как ее ремень был отпущен настолько, что, можно считать, его и не было вовсе.

Теперь нужно было переместить девушку на носилки. Медики понимали, что дорога каждая секунда, и тем не менее их движения были осторожны и расчетливы, они опасались причинить малейшие повреждения позвоночнику и шейным позвонкам. Старший реаниматор отдал команду: «Пошли!» – и санитары

покатили носилки с безжизненным телом к поджидавшему их реанимобилю. К этому времени прибыли еще две машины «Скорой помощи», и медики занялись Хлоей и Джейми. В полночь машина с телом Филиппа, Алисон и молодым доктором помчалась по мосту. По правилам в обязанности врача не входило сопровождение пострадавших в госпиталь – реаниматоры были готовы справиться с любыми неожиданностями. Но доктор не мог оставить девушку. Вряд ли она выживет, но, пока хоть один шанс еще оставался, он хотел помочь ей, если только сможет.

К этому времени на место катастрофы прибыли новые полицейские машины, еще одна «Скорая помощь» и две пожарные машины. Проезд открыли только в сторону от Сан-Франциско к Марин-Каунти, и машины медленно двигались в один ряд. Казалось, что они будут идти так вечность.

– Что с ней? – спросил один из пожарных реаниматора, поджидающего, пока спасатели освободят Хлою из обломков машины.

– Она жива, но, кажется, без сознания, – ответил врач. – Мы займемся ею через минуту-другую, тогда можно будет сказать что-нибудь конкретное.

Спасателям пришлось полностью разрезать кресло, закрывающее Хлою со всех сторон. Их агрегат разрезал его буквально на полоски, и только когда через десять минут его остатки скинули на мостовую, открылись ноги Хлои. Сразу стало ясно, что у нее открытые переломы обеих ног – обломки костей торчали наружу. И когда ее осторожно приподняли на доске с сиденья, она окончательно потеряла сознание.

Второй реанимобиль под резкий вой сирены умчался с ней, а пожарные помогли Джейми выбраться из машины. Он выполз наружу, всхлипывая, и прижался к пожарному, словно маленький испуганный мальчик.

– Все в порядке, сынок... все хорошо...

Джейми многое уже видел, но все еще плохо отдавал себе отчет в том, что случилось. Он понимал, что происходит. Его поместили в последний реанимобиль и повезли, как и остальных, в Морской госпиталь.

– Боже, как я ненавижу такие ночи! – сказал один пожарный другому. – После этого страшно выпускать ребят из дому! – Его товарищ молча кивнул головой в знак согласия, а спасатели продолжали разрезать автомобили, чтобы сбросить их с моста и освободить дорогу. Оператор телевидения, какое-то время назад появившийся на мосту, снимал все это на пленку.

Старенький «Мерседес», не сберегший жизнь Филиппу, выглядел ужасающе – он принял на себя удар страшной силы. Да, если бы это был не «Мерседес», они все, не только Филипп, были бы мертвы.

Женщина, находившаяся за рулем «Линкольна», все еще сидела на обочине, положив голову на плечо какому-то мужчине. На ней был светлый плащ, она была растрепана, но следов крови не было видно. Это чудо, что она не пострадала.

– Ее не повезут в госпиталь? – спросил пожарный стоявшего рядом полицейского.

– Она говорит, что с ней все в порядке. Никаких признаков наружных повреждений. Ей просто повезло. Ей ужасно жаль мальчика. Мы сейчас собираемся отвезти ее домой и расспросить обо всем по дороге.

Пожарный кивнул, продолжая разглядывать женщину. Это была красивая, шикарно одетая женщина слегка за сорок. С ней рядом стояли еще две женщины, кто-то принес ей воды. Она тихо плакала, утирая слезы платочком и качая головой, словно отказываясь верить в происходящее.

– Как вы думаете, почему это случилось? – спросил пожарного один из репортеров, но тот только пожал плечами в ответ. Похоже, он не питал теплых чувств к журналистам, ему не нравилось, что их, как стервятников, всегда притягивали несчастья. И так все ясно – одна жертва, может быть, две, если одна из девочек не выживет. Что им еще нужно знать? Почему? Как? Какое это теперь имело значение! Уже ничего не изменишь, независимо от того, кто виноват в аварии.

– Пока неясно, – ответил его товарищ. И, обратившись к своему коллеге, добавил: – Похоже, обе машины выехали на разделительную линию, это и привело к катастрофе. – Так ему сказал один из полицейских. – Стоит на секунду

отвлечься... Эта женщина оказалась дальше за линией в итоге, но она утверждает, что не заезжала за нее. И вроде нет никаких причин ей не верить. Это Лора Хатчинсон, – сказал он многозначительно, и второй пожарный удивленно уточнил:

– Жена сенатора Джона Хатчинсона?

– Точно.

– Черт. Представь себе, если бы она погибла. – Хотя какая разница: она жива, зато один подросток погиб, и, возможно, девочка тоже не выживет. – Ты думаешь, они были пьяны или под кайфом?

– Кто знает? В госпитале их проверят. Может быть, да, а может быть, и нет – это такая головоломка, которую никому не решить. По положению машин ничего не ясно, а надежных свидетелей нет.

Машины разрезали практически на куски, и теперь пожарные принялись смывать с асфальта куски металла, масло и кровь.

Прошло не меньше часа, прежде чем было восстановлено двустороннее движение на мосту, и то только по одной полосе, пока к утру то, что осталось от машин, не увезли для расследования.

Телевизионщики уже сворачивали свою аппаратуру. Снимать было уже нечего, а жена сенатора отказывалась о чем-либо говорить. Полицейские не подпускали к ней прессу.

В половине первого они отвезли ее домой, на Клэй-стрит. Ее мужа не было в городе, он улетел в Вашингтон, а она поехала на вечеринку в Бельведер. Поздно ночью, когда ее дети спали, Лору Хатчинсон привезли домой. Когда горничная открыла дверь и увидела хозяйку в столь растрепанном виде, то начала плакать.

Лора Хатчинсон долго благодарила полицейских, уверяя их, что не нуждается в медицинской помощи и что завтра утром она навестит своего врача, если в этом будет необходимость. Кроме того, она взяла с них обещание, что они обязательно сообщат ей о состоянии подростков, ехавших в «Мерседесе».

Она знала, что водитель погиб, но они еще не сказали ей, что одна из девушек в критическом состоянии и может не дожить до утра. Полицейским было жаль ее: они видели, как она рыдала, когда мимо везли на носилках труп юноши. У нее самой было трое детей, и мысль о том, что эти незнакомые подростки погибли, была для нее непереносима.

Полицейский, привезший ее домой, посоветовал принять транквилизатор, чтобы успокоиться, или, если в доме нет нужных средств, что-нибудь выпить. Она с признательностью посмотрела на него, и полицейский заметил, что это предложение явно пришлось ей по душе.

– Я не пила весь вечер, – поспешила объяснить миссис Хатчинсон, заметно волнуясь. – Я никогда не пью, когда выезжаю на вечеринки без мужа.

– Думаю, мадам, это вам поможет. Могу я быть полезным?

Лора явно не знала, что ответить, но коп почувствовал, что она хочет этого, и, подойдя к бару, налил в стакан бренди. Она сморщилась от первого глотка, но потом улыбнулась и поблагодарила полицейского. Они были так добры к ней в эту ночь, она непременно поставит в известность сенатора об их корректном поведении.

– Не стоит, миссис Хатчинсон, – поблагодарил ее полицейский, вышел из дому и сел в машину к своему напарнику.

– Слушай, Джек, по-моему, нелишним будет отвезти ее в госпиталь, чтобы проверить наличие алкоголя в крови – для дальнейшего расследования. Что-то подсказывает мне, что следует предпринять именно это.

– Господи, Том! Это ведь жена сенатора, она так потрясена случившимся! Она же сказала мне, что всю ночь не пила. Мне этого достаточно.

Второй патрульный пожал плечами – наверное, напарник прав. Вряд ли жена сенатора станет выезжать на дорогу в нетрезвом виде и врезаться в машину, полную подростков. Она же не враг сама себе, на вид – вполне разумная женщина.

– К тому же я сам советовал ей выпить что-нибудь и налил бренди, так что все равно поздно делать тест, даже если бы ты попросил меня вернуться и забрать ее. Бедняжке нужна сильная доза чего-нибудь крепкого. Я думаю, это ей поможет.

– Мне тоже не помешало бы выпить, – ухмыльнулся его напарник. – Может быть, ты и мне припас чего-нибудь крепкого?

– Заткнись. Боже, контроль на наличие алкоголя в крови... – Он рассмеялся. – Что ты еще от меня хочешь? Может быть, снять у нее отпечатки пальцев?

– А что? Почему бы и нет? Сенатор вполне мог бы походатайствовать, чтобы нас повысили в звании, ну, скажем, за действия, соответствующие уставу службы.

Оба рассмеялись, и машина тронулась. Было всего полпервого, а уже столько стряслось за эту ночь.

Глава 4

В 23.50 по телевизору показывали старый кинофильм. Пейдж села на кровати: Алисон опаздывала уже на двадцать минут, и приятного в этом было мало. В полночь стало еще тревожнее.

Энди спокойно посапывал рядом, а Лиззи спала на коврике у кровати. В доме было тихо и спокойно, и только Пейдж с каждой минутой все больше нервничала: и так Алисон выторговала себе лишние полчаса, а теперь опаздывает почти на час! Такому нарушению не может быть никакого оправдания!

Пейдж собралась уже позвонить Торенсенам, но решила, что в этом нет смысла – если они все еще в кино или в кафе-мороженом, никто ей не ответит. Да, скорее всего, они решили перекусить где-нибудь после кино, и Алисон, ясное дело, не сказала Тригви, что должна быть дома в полдвенадцатого.

В полпервого Пейдж пришла в ярость, а в час начала беспокоиться. Она уже решила отбросить условности и позвонить Торенсенам, но в пять минут второго раздался телефонный звонок. Она решила, что это звонит Алисон, чтобы попросить разрешения остаться у Хлои на ночь. К этому времени Пейдж была просто вне себя и решила преподать дочери урок.

- Нет! - крикнула она в сердцах в трубку, окончательно потеряв свое неизменное терпение.

- Алло? - Звонивший явно смутился, а Пейдж растерянно умолкла. Это была не Алисон, а какой-то незнакомец.

Она представления не имела, кто бы мог звонить ей в такое время: возможно, звонивший ошибся номером, а может, это был просто телефонный хулиган.

- Это дом Кларков?

- Да. Кто говорит? - Она старалась не дать поднимающейся панике овладеть ею.

- Это патрульный, миссис Кларк. Я ведь говорю с миссис Кларк?

- Да, - прошептала она, потому что от страха у нее перехватило горло.

- Мне очень жаль, но я вынужден сообщить вам, что ваша дочь попала в автокатастрофу.

- Господи! - в ужасе выдохнула она. - Она жива?

- Да, но в бессознательном состоянии. Она сильно пострадала. Ее поместили в Морской госпиталь.

Боже... Боже... Что значит «сильно»? Насколько сильно? Что с ней? Выживет ли она? Какие у нее повреждения?

- Что произошло? - сдавленно проговорила Пейдж, не слыша собственного голоса.

– Лобовое столкновение на мосту Золотые Ворота. Их автомобиль столкнулся с направляющейся на юг машиной, в то время как они двигались в направлении Марин-Каунти.

– В Марин? Откуда? Этого не может быть! – Она пыталась представить себе, что было бы с Алисон, если бы она тогда была тверже и не разрешила ей отспорить лишние полчаса, ведь тогда она никогда не оказалась бы там и с ней ничего бы не случилось.

– Боюсь, это именно так. Сейчас она находится в Морском госпитале, миссис Кларк. Я рекомендую вам как можно скорее отправляться туда.

– Боже... спасибо... – Она повесила трубку, ничего не добавив к этим словам, и тут же набрала справочную. Ей дали номер приемной госпиталя, и она запросила сведения о реанимации. Ей ответили, что действительно Алисон Кларк к ним поступила, что она жива, но больше они ничего сообщить пока не могут. Врачи в эти минуты как раз борются за ее жизнь, поэтому никто из персонала не сможет сейчас с ней переговорить. Алисон Кларк находится в критическом состоянии.

Из глаз Пейдж хлынули слезы, ее руки дрожали, пока она, всхлипывая, набирала номер соседки. Нужно же кого-то оставить с Энди... нужно позвонить... одеться... добраться до госпиталя... На четвертый звонок соседка взяла трубку, и сонный голос ответил:

– Алло?

– Джейн? Ты можешь прийти ко мне? – только и смогла выдавить Пейдж. Ей не хватало воздуха. Что, если она потеряет сознание? Что, если... если Алисон уже умерла?.. Боже, нет!.. Прошу тебя!

– Что случилось? – Джейн Джилберт хорошо знала Пейдж и не могла представить себе, чтобы та по какому-либо поводу поддалась панике. – Что такое? Ты заболела? У вас есть кто-нибудь в доме? Может быть, грабитель?

– Нет, – по-мышиному пискнула в ответ Пейдж. – Это Алисон! С ней случилось несчастье... лобовой удар... она сейчас в Морском госпитале, в критическом состоянии... Брэд уехал... Мне нужно с кем-то оставить Энди...

– О боже... Я буду у тебя через пару минут. – Джейн Джилберт повесила трубку, а Пейдж побежала к шкафу, натянула джинсы и первый попавшийся свитер – тот, что она обычно носила, работая в саду, в дырках и выцветший. Но она даже не заметила этого и сунула ноги в туфли. Волосы она не подумала причесать. Пейдж начала разыскивать телефонную книжку, где Брэд обычно оставлял номер телефона своего отеля. Она знала, что найдет его там. Но на этот раз она не нашла ни названия отеля, ни номера! Ничего. Страница оказалась пустой – впервые за шестнадцать лет он забыл оставить номер. Судьба словно решила сыграть с ними дурную шутку. Но это ее не остановит. Она позвонит кому-нибудь из сослуживцев Брэда и сможет установить номер. Сейчас главное – скорее добраться до госпиталя и увидеть дочь.

Когда раздался звонок, она схватила сумку и кинулась к двери. Джейн обняла ее – они дружили давно, когда еще не родился Энди, а Алисон было всего семь лет.

– С ней все будет хорошо... Успокойся, Пейдж. Может быть, все не так плохо. Успокойся. – Джейн сама отвезла бы ее в госпиталь, но кому-то надо было остаться с Энди. Он все еще спал в кровати, не подозревая о случившемся. – Если он проснется, что ему сказать?

– Скажи, что Алисон заболела и попала в госпиталь, а я поехала к ней. И если позвонит Брэд, скажи, чтобы оставил свой номер.

– Хорошо... Будь осторожна на дороге!

Пейдж выбежала в ночь, зажав под мышкой сумочку, прыгнула в машину и тут же вылетела на дорогу. Она пыталась успокоить себя, уверяя, что с Алисон все будет в порядке, и моля господу о том же. Она все еще не могла поверить в случившееся.

До госпиталя было всего десять минут езды, она припарковала машину на стоянке и, оставив ключи в машине, помчалась к входу в ярко освещенный блок реанимации. Здесь было много народу, человек десять сидело в коридоре, ожидая врачей. Пейдж хотела только одного – поскорее увидеть свою девочку... свою малышку. Она заметила журналистов, двое из которых беседовали с патрульным.

Подойдя к столу, она спросила медсестру, может ли она увидеть свою дочь. Услышав фамилию и взглянув на Пейдж, молодая женщина сразу нахмурилась. У нее были добрые глаза, и в них читалось сострадание к матери девочки. Пейдж была смертельно бледна, ее билась нервная дрожь.

- Вы ее мать?

Пейдж кивнула, стараясь взять себя в руки.

- Она... она...

- Она жива.

У Пейдж подкосились ноги, и медсестра, выйдя из-за стола, подхватила ее.

- Она в тяжелом состоянии, миссис Кларк, серьезная травма головы. Сейчас с ней наши нейрохирурги, будет консилиум, и мы ждем заведующего отделением. Как только картина прояснится, мы сообщим вам более точные сведения. - Медсестра провела Пейдж к стулу. - Не хотите ли чашечку кофе? - Она сочувственно посмотрела на Пейдж, и та отрицательно помотала головой, сдерживая рыдания. Но тщетно - слезы брызнули у нее из глаз, пока она пыталась осознать, что сказала женщина: нейрохирурги... консилиум... тяжелое состояние... Господи, что же случилось?

- Как вы себя чувствуете? - участливо спросила медсестра. Пейдж молча покачала головой. Хлюпая носом, она пыталась представить себе, что было бы, если... Она так злилась на Алисон из-за того, что та не вернулась вовремя... Просто невозможно подумать об этом. Она злилась на дочь, а Алисон в это время была уже без сознания... Невозможно даже подумать об этом.

- Кто-нибудь еще пострадал? - наконец смогла выговорить Пейдж, и медсестра кивнула в ответ.

- Водитель погиб. И еще одна девушка получила серьезные повреждения.

- Боже мой... - Погиб?! Тригви Торенсен погиб? Как это могло произойти? И тут в приемной реанимации появился мужчина, удивительно похожий на него, - он,

словно одурманенный, смотрел на Пейдж, явно не узнавая ее. Пейдж первая сообразила, что это же Тригви! Но как это может быть? Ведь медсестра только что сказала, что он погиб?! Призрак? Может быть, она просто сошла с ума или у нее галлюцинации? Но это слишком реальное видение, поняла она, внимательно глядя на Торенсена. Сестра деликатно отошла в сторону. А Тригви стоял перед Пейдж, глядя на нее невидящими глазами, из которых катились слезы.

– Пейдж, как жаль... – Он взял ее за руку. – Я должен был догадаться... мне кажется, я должен был обратить внимание, но я не сделал этого... Какой я дурак!

Она с ужасом смотрела на него: он не обратил внимания, и теперь их дети в критическом состоянии... Как он мог сказать ей такое? И почему он жив, когда сестра сказала, что водитель погиб?

– Я ничего не понимаю, – сказала Пейдж, в растерянности глядя на него. А Тригви сел рядом, качая головой, не в силах поверить в происшедшее.

– Я только сейчас все понял. Я должен был раньше догадаться, когда увидел, что она выходит из дома в этом наряде – черной кожаной юбке, не знаю, у кого она ее взяла, – и в черных чулках, скорее всего Даниных... Я в это время занимался чем-то с Бьорном и поэтому на прощание только махнул рукой. Она сказала, что идет к вам, поэтому мне и в голову не пришло задержать ее. Почему я не остановил ее?!

– К нам? То есть вы хотите сказать, что вы не были за рулем? – И тут ее снова охватил ужас – она начала понимать. Алисон обманула ее – она поехала не с Торенсенами. Но с кем же и кто был за рулем?

– Ну конечно.

– Алисон сказала, что вы хотели вывезти их на ужин в «Луиджи», а потом в кино. Мне и в голову не пришло, что это не так... – И только теперь кусочки головоломки сошлись – розовый свитер, белая юбка, то упорное нежелание доехать до Хлои на машине, ведь Пейдж предлагала подвезти дочь. – Какая я дура!

– Похоже, мы оба недосмотрели. – Сквозь слезы он посмотрел на нее, и Пейдж разрыдалась. – Видели бы вы Хлою, когда ее привезли... У нее множественные переломы ног, вывих бедра, сломанный таз и внутренние повреждения. Они удалили ей селезенку, и, может быть, у нее повреждена печень. Тазобедренный сустав они починят, но позвоночник... Пейдж, может быть, она никогда не сможет ходить... – Слезы застилали его глаза. – А она так мечтала о балетной школе! О боже... Я просто не знаю, как им помочь, что нам делать?!

Пейдж лишь кивнула, не в состоянии сказать ни слова. Хлоя не сможет ходить... а у Алисон тяжелая травма головы.

– Вы видели Алисон? – Сама она боялась и все же отчаянно хотела увидеть дочь, хотя Пейдж сказали, что, пока не закончится операция, она не сможет увидеть Алисон. Но если Алисон умрет и Пейдж не увидит ее... Нет, она не должна думать об этом.

– К ним никого не пускают, – печально сказал Тригви. – Я пытался, но меня не пустили. Хлою отвезли в операционную. Мне сказали, что операция продлится шесть или восемь часов, а может, и дольше. Нам с вами предстоит долгая ночь. – Хотя кто знает, может быть, для Пейдж все закончится гораздо быстрее, если Алисон... – Мне сказали, что у Алисон тяжелая травма головы, это так? – спросил Тригви.

– То же сказали и мне. Я ничего не могу понять – не задет ли мозг, выживет ли она, останется ли она нормальной? – Пейдж едва могла говорить, она дрожала, не в силах справиться с возбуждением. – Сейчас, как я поняла, идет консилиум. Вызвали заведующего отделением.

– Вы должны верить, что с ней все будет в порядке. Сейчас нам больше ничего не остается.

– Значит, пока мы должны набраться терпения и ждать? – Пейдж хотелось говорить с кем-нибудь, а Тригви по крайней мере понимает ее, понимает ее страхи. Конечно, у каждого из них своя боль, своя тревога: жизнь Хлои вне опасности, как бы ни были серьезны травмы, а что будет с Алисон?

– Постарайтесь верить в лучшее, – ответил он. – Я тоже задаю себе такие же вопросы о Хлое: что, если она не сможет ходить... что, если ее парализует...

сможет ли она танцевать, бегать... или иметь детей? Всего несколько минут назад я поймал себя на мысли – где же мне устроить ее кресло на колесах? Нужно заставить себя не думать об этом. Мы еще ничего не знаем. Так что просто ждите, минутой за минутой.

Пейдж кивнула, понимая, что он имеет в виду: она тоже поймала себя на мысли о том, что сказать Брэду, если Алисон умрет, хотя тут же сама ужаснулась этому.

– Вы знаете, кто вел машину? – спросила Пейдж, вспомнив слова медсестры.

– Только имя парня – Филипп Чэпмен, ему было семнадцать. Вот и все. А Хлою пока не спросишь.

– Я слышала о нем. Мне кажется, я знакома с его родителями. А где они познакомились, как вы думаете?

– Бог знает где – в школе, в команде, на теннисном корте, – они ведь взрослеют. Хотя с мальчиками у меня таких проблем не было. Во всяком случае, с Ником. Бьорн, правда, дело другое. Наверное, девочки вообще более предприимчивы, наши уж во всяком случае.

Он думал, она улыбнется, но Пейдж не отреагировала на его слова. Она думала о своем. Что, если бы Алисон оставалась маленькой, никогда бы не бегала на свидания, никогда не заводила бы приятелей? Или мужа? Или ребенка? Что, если бы... Пятнадцать лет – и все. От этой мысли у нее снова хлынули слезы, и Тригви пришлось взять ее за руку.

– Пейдж, не плачьте, не поддавайтесь панике...

– Что я могу сделать? Как это все выдержать? – Она отняла у него руку и продолжала всхлипывать. – Она даже не пожила на свете. Она может умереть, как тот парень, что вел машину.

Он беспомощно кивал ей, и она вдруг резко повернулась к Тригви и спросила:

– Они пили? – Эта мысль впервые пришла ей в голову – семнадцатилетний неопытный водитель, вечеринка, авария.

– Не знаю, – честно ответил он. – Медсестра сказала, что у всех взяли пробы крови на содержание алкоголя. Вполне возможно, – мрачно добавил он.

К ним приблизился репортер. Он давно уже следил за их беседой и после того, как поговорил с патрульным и навел справки у сестры, решил поговорить с ними.

Пейдж еще плакала, когда к ним подошел этот молодой человек в джинсах, кроссовках, клетчатой рубашке и с пластиковой журналистской карточкой на груди. В руке у него был блокнот и диктофон.

– Миссис Кларк? – спросил он, приближаясь.

– Да? – Пейдж была в таком состоянии, что не понимала, кто он такой, на секунду ей даже показалось, что это врач. Она глядела на него со страхом, а Тригви с подозрением.

– Каково состояние вашей дочери? – спросил он с таким участием, словно был с ней давно знаком.

– Я не знаю... я думала, вы мне скажете...

Но Тригви покачал головой, и только тогда Пейдж заметила его карточку с фотографией, фамилией и названием газеты.

– Что вы от меня хотите?! – Пейдж никак не могла понять, что здесь делает этот человек.

– Я просто хотел узнать, как вы себя чувствуете. А Алисон... как давно она была знакома с Филиппом Чэпменом? Что он был за парень? Он был очень крут? Или вы полагаете... – Репортер продолжал напирать на нее, но Тригви резко оборвал его:

– Я думаю, что сейчас не время... – Тригви встал и подошел к журналисту, но тот сделал вид, что не замечает этого.

– Вы знали, что за рулем второй машины была жена сенатора Хатчинсона? Она, кстати, совершенно не пострадала, – начал провоцировать он Пейдж. – Как вы себя чувствуете, миссис Кларк? Вы, наверное, потрясены!

У Пейдж от изумления расширились зрачки: что этот человек от нее хочет? Он что, думает, что она сумасшедшая? Какое имеет значение, кто был за рулем второй машины? Неужели в нем нет ни капли сострадания? Она беспомощно оглянулась на Тригви и увидела, что он также взбешен поведением репортера.

– Как вы думаете, миссис Кларк, подростки могли быть пьяны? Был ли Филипп Чэпмен приятелем вашей дочери?

– Что вы вообще тут делаете? – Пейдж встала и в бешенстве уставилась на него. – Моя дочь умирает, и не ваше дело, какие у нее отношения были с этим мальчиком, кто был второй водителем и что я сейчас чувствую. – Ее слова перемежались со всхлипами. – Уходите! Оставьте нас одних! – Она села и закрыла лицо руками, а Тригви встал между нею и репортером.

– Я требую, чтобы вы немедленно ушли. Убирайтесь. Вы не имеете права здесь находиться. – Он пытался говорить жестко, но его голос от горя был столь же слаб, как и у Пейдж.

– У меня есть право. Общество имеет право знать, что происходит. А что, если они были пьяны? Или жена сенатора?

– Какое вам дело?! – рявкнул Тригви. Он не мог взять в толк, какое отношение к общественности имеют их несчастные дети. Действия этого газетчика обусловлены чистым любопытством. Именно из-за него все эти писаки причиняют боль людям, которые и так убиты горем.

– Вы потребовали, чтобы жена сенатора прошла проверку на состояние опьянения? – Репортер снова обращался к Пейдж, рассеянно смотревшей на мужчин. Для нее это было слишком – она могла думать только об Алли.

– Я уверена, что полиция сделала все, что нужно в таких случаях. Почему вы об этом спрашиваете? Зачем вы мучаете нас? Неужели не понимаете, что вы делаете? – в отчаянии спросила его Пейдж. Но он, похоже, не собирался уступать.

– Я пытаюсь установить истину, это мое профессиональное право. Вот и все. Надеюсь, ваша дочь выживет, – холодно сказал он и отправился на поиски более сговорчивых собеседников. Еще час и репортер, и оператор телевидения слонялись по приемной, но уже не приближались к Пейдж. Однако Тригви все еще был взбешен тем, что этот репортеришка осмелился наезжать на Пейдж в такой момент. И потом, его тон, его вопросы – словно он их специально придумал для того, чтобы доконать их. Просто омерзительно!

Они были настолько шокированы вторжением репортера, что, только когда тот наконец ушел, заметили, как к ним робко направился рыжий парень, который уже около получаса торчал в приемной. Пейдж никогда раньше не видела его, но Тригви он казался знакомым.

– Мистер Торенсен? – нервно обратился юноша к Тригви. Он был очень бледен и не отводил взгляда от отца Хлои.

– Да? – непонимающе взглянул на него Тригви. Ему не хотелось сейчас ни с кем разговаривать, ему хотелось лишь дождаться конца операции и узнать судьбу Хлои. – Мы знакомы?

– Меня зовут Джейми Эпплгейт. Я был с Хлоей в... той машине... – У него дрожали губы, когда он произнес это, и Тригви в ужасе уставился на него.

– Кто ты? – Тригви встал навстречу парню, вид его был ужасен. Джейми до сих пор не оправился окончательно от контузии, ему наложили несколько швов на лбу, но он, можно сказать, легко отделался в отличие от остальных, жизнь которых была сломана навсегда.

– Я друг Хлои, сэр. Я... мы... просто поехали поужинать.

– Вы были пьяны? – перебил его Торенсен, но юноша только помотал головой. У всех была взята кровь на анализ, и все тесты оказались в норме.

– Нет, сэр. Мы не были пьяны. Мы ужинали у «Луиджи». Я выпил бокал вина, но я не сидел за рулем, а Филипп – и того меньше, может быть, полбокала, а потом мы выпили капучино на Юнион-стрит и поехали домой.

– Парень, вы ведь еще несовершеннолетние, – спокойно сказал Тригви. – Вы не имели права пить. Даже и полбокала.

Джейми знал, что отец Хлои прав, и поэтому начал извиняться:

– Я знаю, сэр. Вы правы. Но мы не были пьяны. Я не знаю, что случилось. Я ничего не видел. Мы сидели сзади... болтали... а потом я очутился здесь. Я ничего не помню, только патрульные сказали мне, что то ли мы в кого-то врезались, то ли кто-то в нас. Я правда не знаю. Филипп хорошо водит машину... он заставил всех нас пристегнуться, и он не отвлекался. – Тут он начал всхлипывать. Его лучший друг был мертв, и ничто уже не может помочь Филиппу.

– Ты хочешь сказать, что виноват был другой водитель? – уточнил Тригви. Его тронул рассказ Джейми, ясно, что парень потрясен случившимся.

– Я не знаю... я ведь ничего не видел... разве что... Хлоя и Алисон... и Филипп... – При воспоминании о друзьях он снова начал всхлипывать, и Тригви дружески обнял его. – Мне так жаль... так жаль, сэр. Все это просто ужасно.

– И нам... все в порядке, сынок. Считай, тебе повезло сегодня... Это судьба... Она выбирает кого-то одного и отнимает у него жизнь. Она – как молния, которая ударяет внезапно.

– Это нечестно... почему я уцелел, а они...

– Так бывает. Тебе повезло. Ты должен быть благодарен судьбе.

Но Джейми Эпплгейт чувствовал себя виноватым. Он не хотел, чтобы Филипп умирал, а Хлоя и Алисон остались калеками... Почему он не был за рулем вместо Филиппа?

– Кто тебя отвезет домой? – заботливо спросил его Тригви. Как ни странно, он не испытывал никакой злости на мальчика, несмотря на все, что случилось.

– Сейчас приедет мой отец. Я просто увидел, что вы здесь сидите, и решил поговорить... рассказать вам... – Он перевел взгляд с Тригви на Пейдж и заплакал.

– Мы понимаем... – Пейдж пожала его руку, а потом, всхлипывая, обняла его.

Наконец подошел его отец, и снова были слезы, и упреки, и брань. Понятно, что Билл Эпплгейт был порядочно испуган, но одновременно рад тому, что сын уцелел. Он всплакнул при известии, что Филипп Чэпмен погиб, но его-то сын остался жив, и он благодарил судьбу. Билл Эпплгейт был известен в поселке, и Тригви часто встречал его на различных школьных торжествах и соревнованиях.

Старший Эпплгейт, искренне огорченный, пытался как-то загладить вину сына, извинился за Джейми, за его в общем-то невинный обман. Но все трое взрослых людей понимали, что теперь не до оправданий и извинений, сейчас время надежды и молитв. Билл Эпплгейт, прощаясь, сказал, что свяжется с Тригви, чтобы узнать о судьбе Алисон и Хлои.

Когда Эпплгейты ушли, Тригви, совершенно обессиленный, покачал головой и сказал:

– Жаль парня... – Он не знал, кого винить: Филиппа, который вел машину, Хлою, обманувшую его, другого водителя – если это была ее вина. Но кто знает, что произошло на самом деле? Патрульный объяснил им, что сила удара была такова, что установить вину не представлялось возможным, а по положению машин невозможно было сказать, кто из них пересек линию. Анализ крови показал присутствие алкоголя в крови Филиппа, но недостаточное для того, чтобы считать его пьяным. Жена же сенатора выглядела настолько безупречно, что они и не подумали проверить ее на алкоголь. Они могли только предполагать, что что-то отвлекло внимание Филиппа, может быть, разговор с Алисон, и тогда именно он виноват в катастрофе. Но кого обвинять теперь?!

Пейдж могла думать только об Алисон, только о том, когда же она сможет увидеть ее. Прошел еще час, прежде чем в приемной появилась сестра и сообщила, что врачи хотели бы поговорить с ней.

– А Алисон я могу наконец увидеть?

– Минуточку, миссис Кларк. Сначала врачи хотели поговорить с вами и объяснить, в каком состоянии она находится. – По крайней мере теперь ей хоть что-то объяснят. Она встала, и Тригви взволнованно посмотрел на нее. Он был хорошим другом – они много раз встречались на разных школьных мероприятиях и пикниках, и, хотя не дружили особенно, он ей всегда нравился, их дочери были неразлучными подружками с того времени, как Кларки переехали в Росс.

– Я могу пойти с вами? – спросил он, и Пейдж, поколебавшись, кивнула. Она боялась того, что они могут сказать ей, и еще больше – предстоящего свидания с дочерью. Она больше всего на свете хотела увидеть ее... и боялась того, с чем ей придется столкнуться при встрече.

– Я не хотела бы обременять вас, – прошептала она, извиняясь, когда они шли в комнату, где их ждали хирурги.

– Не говорите глупостей, – ответил Тригви. Они были похожи на брата и сестру – оба со светлыми волосами, спортивные, похожие на скандинавов. Он действительно красив, и с ним так легко. Даже в этой ситуации Тригви излучал спокойствие и понимание. Пейдж чувствовала себя так, словно находилась под его защитой, хотя скорее всего их можно было бы назвать товарищами по несчастью.

Уже сама дверь в ординаторскую выглядела зловещей, в просторном кабинете их ожидали трое мужчин в халатах. Они сидели за овальным столом. Маски болтались у них на груди, и Пейдж с ужасом заметила на халате одного из них кровь. Господи, вдруг это кровь ее дочери?

– Как моя девочка? – Пейдж не терпелось услышать их вердикт. Но иногда дать ответ бывает гораздо сложнее, чем задать вопрос.

– Она жива, миссис Кларк. У вашей дочери сильный организм. Она пережила очень мощный удар, и у нее тяжелая травма. Большинство даже взрослых людей просто не выжили бы. Но Алисон выжила, и мы полагаем, что это само по себе хороший признак. Но ей предстоит пройти длинный путь к выздоровлению. Основных травм две, и каждая может дать свои осложнения. Первая – сам по

себе удар, отсюда – тяжелое сотрясение мозга. Сейчас невозможно утверждать определенно, есть ли разрыв сосудов, не исключена и аневризма. А это может привести к очень серьезным последствиям. Но девочка пока в таком состоянии, что мы не можем провести дополнительные исследования. Вторая травма – на первый взгляд более тяжелая, но на самом деле она не повлечет серьезных последствий. Я говорю об открытой травме черепа. Скорее всего это следствие сильнейшего удара о стальной обломок при столкновении.

Пейдж вскрикнула и невольно сжала руку Тригви. Она явно не была готова услышать страшные подробности и постаралась собрать все силы. Она говорила себе, что должна вынести и узнать все до конца.

– Велика вероятность... – неумолимо продолжал заведующий отделением, понимавший, насколько это тяжело для родителей, но исполнявший свой долг – они должны знать, что произошло с их дочерью. Тригви он принял за отца Алисон. – Мы часто сталкивались со случаями, когда такие открытые травмы черепа не влекли за собой серьезных последствий. Гораздо больше меня беспокоит сильнейшее сотрясение. Разумеется, последствия травм могут накладываться, что может дать непредсказуемый результат. Она потеряла много крови, и давление резко упало. Организм очень ослаблен потерей крови. Кроме того, мозг подвергся гипоксии... Мы пока не знаем, как это отразилось на функционировании мозга, но последствия могут быть непредсказуемы – катастрофическими или же совсем незначительными. Пока нельзя сказать с определенностью. Сейчас мы должны продолжить борьбу за ее жизнь. Если объяснить вам доступным языком, мы должны приподнять осколок черепа и облегчить состояние ткани мозга. Затем обработать рану. Ну и заняться ее глазами – от этого удара она может ослепнуть. Есть и другие поводы для тревоги. Возможно заражение крови, и у нее проблемы с легкими. Это естественно при такого типа травмах, но это серьезно осложняет положение. Мы оставили в трахее кислородную трубку, поставленную реаниматорами, и продолжаем подавать кислород. Мы только что уже сделали томографию и получили очень важную информацию. – Он смотрел прямо на Пейдж, чтобы определить, что она поняла из его слов. Она казалась совершенно оглушенной, и отец девочки выглядел не лучше. Врач решил обратиться к нему, так как женщина вряд ли могла что-то воспринять. – Вы понимаете меня, мистер Кларк? – спросил он, стараясь говорить как можно спокойней.

– Нет-нет, я не отец девочки, – поспешно сказал Тригви, потрясенный словами врача не меньше Пейдж. – Я друг, друг семьи. Моя дочь тоже лежит в вашем

госпитале. Девочки были вместе в машине.

– Простите. – Врач выглядел смущенным. – Понятно. Миссис Кларк, вы меня поняли?

– Я не уверена. Вы сказали, что у нее две серьезные травмы: сотрясение мозга и открытая травма черепа. В результате она может либо умереть, либо ее мозг может пострадать... она может ослепнуть... так ведь? – спросила она его сквозь слезы. – Я правильно вас поняла?

– Более или менее. И наша главная проблема – это то, что мы называем возможностью третьей травмы. У нее могли бы быть и другие повреждения, но, к счастью, она была пристегнута, поэтому избежала их. Что касается третьей травмы, то речь идет о кровоизлиянии в мозг, о тромбах и отеке мозга. Это может осложнить положение, но определенно можно будет сказать что-то через двадцать четыре часа после травмы.

Пейдж наконец решилась задать вопрос, ответ на который она так боялась услышать.

– Скажите, доктор, а есть ли шанс, что она придет в себя полностью... то есть выздоровеет? Возможно ли это при сложившихся обстоятельствах?

– Возможно, но только вопрос, что понимать под нормальностью. Возможно, пострадают моторные функции – на время или навсегда. Ну и могут быть другие отклонения. Например, нарушится работа каких-либо отделов мозга и у нее может произойти изменение личности. Но в целом, можно сказать, ей повезло. И, если произойдет еще одно маленькое чудо, ваша дочь может полностью выздороветь.

Но, с точки зрения Пейдж, в его словах не было большой уверенности.

– Значит, вы все же допускаете это? – Пейдж знала, что слишком напирает на них, но так хотела услышать обнадеживающие слова.

– Не то чтобы я совсем уверен. Маловероятно, чтобы столь значительные травмы прошли бесследно для организма, но при оптимальном развитии событий

последствия могут быть незначительны... если нам повезет. Поймите, я не могу сейчас сказать что-то более определенное, миссис Кларк. Сейчас положение все еще опасное, так что ваш вопрос пока звучит скорее как гипотетический. И в этом случае я могу сказать, что это возможно, но совершенно не обязательно, что так и будет.

- А в худшем случае?

- Она может и не выжить... или же останется калекой.

- То есть?

- Она может навсегда остаться в бессознательном состоянии, либо же если сознание вернется к ней, то рассудок будет помрачен или утрачена моторика. Повреждения мозга могут быть таковы, что мы не сможем ей помочь. Большое значение имеет характер отека мозга и как мы с ним справимся. Так что нам потребуется все наше умение, миссис Кларк... и немножко удачи. Так же, как и вашей дочери. И мы хотели бы приступить к операции немедленно, если вы подпишете соответствующие бумаги.

- Но я не могу связаться с ее отцом. - Пейдж почувствовала, что в горле у нее стоит комок. - Я не смогу связаться с ним до завтра... то есть сегодня... - Она чувствовала, что ею овладевает паника, судя по тому, как сочувственно смотрел на нее Тригви, кляня себя за бездействие и не в силах сказать слова, которые могли бы успокоить ее.

- Алисон не может дольше обходиться без нашей помощи, миссис Кларк... Дорога каждая минута. Как я уже говорил вам, мы провели томографию и сделали рентгеновский снимок. Мы должны действовать немедленно, если хотим сохранить ее жизнь и рассудок.

- А если мы подождем? - Она должна была посоветоваться с Брэдом, ведь это и его дочь. Нельзя принимать такое решение без него.

Он пристально посмотрел на нее.

– Миссис Кларк, я не думаю, что она проживет еще два часа. И если даже проживет, то функции мозга будут навсегда нарушены и, скорее всего, она ослепнет.

А если он ошибается? Но у них нет времени. У них нет времени даже на первое впечатление, если он не ошибается насчет двух часов. Что делать?

– Вы просто не оставляете мне выбора, доктор, – обреченно произнесла Пейдж, и Тригви сжал ее руку.

– Выбора нет, миссис Кларк. Я уверен, что ваш муж с этим согласится, когда вы сможете связаться с ним. Мы хотели бы сделать все, что можно.

Она кивнула, не зная, верить ему или нет. Но выбора у нее в самом деле не было – от их умения и опыта зависела жизнь Алисон. А вдруг она выживет, но будет жить растительной жизнью? Разве ей нужна такая победа?

– Итак, вы подпишете согласие на операцию? – спросил заведующий снова, и Пейдж, еще немного помедлив, наконец кивнула.

– Когда вы собираетесь начать операцию? – сдавленно проговорила она.

– Через полчаса, – спокойно ответил хирург.

– Могу ли я побыть около нее до начала операции? – умоляюще спросила Пейдж. Что, если они не разрешат увидеть ее? Что, если это будет последний раз, когда она ее увидит? Почему она не задержала ее подольше перед выходом сегодня вечером? Почему она не сказала ей все, что хотела сказать и не сказала раньше? Она снова начала плакать, даже не замечая этого. Хирург тронул ее за плечо.

– Мы сделаем для нее все, что можно, миссис Кларк. Я даю вам слово. – Он оглянулся на своих коллег, которые за все это время не произнесли ни слова. – У нас одна из лучших нейрохирургических бригад в стране. Доверьтесь нам. А сейчас пойдете к ней.

Она кивнула, не в состоянии произнести ни слова. Врач встал и направился к двери.

– Она без сознания, миссис Кларк, к тому же у нее есть и другие травмы. Это выглядит не совсем приятно. Но многое, что может испугать вас сейчас, исчезнет без следа. Самое главное – спасти ее мозг.

Но даже это предупреждение не подготовило Пейдж к зрелищу, которое ее ожидало в палате интенсивной терапии, где под наблюдением врача и двух медсестер лежала Алисон. Одна трубка входила ей в рот, другая – в нос, третья – в руку, повсюду стояли, мигая огоньками, разнообразные аппараты. А в центре всего этого лежала маленькая милая Алисон с лицом, превратившимся почти что в кашу, так что даже Пейдж не сразу узнала ее. Лоб девочки был прикрыт косынкой, ей должны были остричь волосы и побрить голову перед операцией.

Да, Алисон невозможно было узнать, это могла сделать только мать – ведь это ее ребенок. И если глаза не узнавали ее, это сделало ее сердце. Пейдж приблизилась к Алисон.

– Привет, малышка! – Она низко склонилась над дочерью и говорила ей в самое ухо, молясь, чтобы какой-то отдаленной частью сознания дочка услышала ее. – Я люблю тебя, детка... все будет хорошо... я люблю тебя, Алисон... мы тебя любим... мы любим тебя... – Она еще и еще раз, плача, повторяла эти слова, глядя руку дочери, касаясь ее щеки. Алисон была так бледна, что, если бы не работающие аппараты, Пейдж решила бы, что та и в самом деле мертва. У Пейдж сердце разрывалось от жалости и боли, она смотрела на свою бедную девочку и не могла поверить, что все это происходит наяву. – Алисон, мы любим тебя... ты обязательно поправишься, ради всех нас... меня... папы... Энди...

Наконец врачи попросили Пейдж удалиться, так как пора было готовить Алисон к операции. Пейдж спросила, нельзя ли ей остаться, но это было категорически запрещено. Пейдж объяснили, как будут готовить к операции Алисон. Работы предстояло много, был уже выбран наркоз – Алисон не почувствует боли. Но Пейдж лучше не видеть всего этого.

– Но могу ли я... могла бы я... – Она не находила в себе сил закончить фразу, но наконец сумела выговорить: – Можно мне сохранить прядь ее волос? – Она сама ужаснулась своим словам, но не могла не попросить их об этом.

– Конечно, – мягко ответила одна из сестер. – Миссис Кларк, будьте покойны, мы позаботимся о ней, обещаю вам.

Пейдж благодарно кивнула и снова склонилась над Алисон и нежно поцеловала ее.

– Я люблю тебя, солнышко... всегда буду любить. – Она так говорила Алисон, еще когда та была совсем маленькой, и Пейдж надеялась, что ее слова отзываются в сознании дочери тем давним воспоминанием.

Когда Пейдж вышла из палаты, она ничего не видела из-за слез, с трудом заставила себя отступить от кровати, на которой лежала Алисон. Мысль о том, что она, может быть, никогда больше не увидит Алисон живой, лишала ее последних сил. Пейдж говорила себе, что у нее нет выбора. Если она хочет, чтобы врачи попытались спасти Алисон, нужно дать им возможность начать операцию.

В коридоре она увидела Тригви. На него было жалко смотреть, но вид самой Пейдж привел Тригви в смятение. Он не узнавал Пейдж – в считанные минуты она постарела и поникла. Когда Пейдж заходила в палату, Тригви мельком увидел Алисон, и это действительно было страшное зрелище. Хлое тоже предстояли тяжкие испытания, но угрозы ее жизни не было. А из того, что сказали врачи, было ясно, что вероятность гибели Алисон велика.

– Мне так жаль, Пейдж, – прошептал он и обнял ее. Пейдж разрыдалась в его объятиях и долго не могла успокоиться. Больше ей ничего не оставалось. Это была самая длинная ночь в ее жизни, ночь нескончаемого кошмара. Тригви, несмотря на все испытания, которыми была богата его жизнь, тоже не помнил более мучительного испытания. Он знал, что Хлоя на операции и, как сказала подошедшая к нему медсестра, операция продлится несколько часов.

Сестра из приемной принесла Пейдж бумаги на подпись, а потом Тригви заставил ее пойти в кафе и выпить чашечку кофе.

– Мне кажется, я не смогу. Я боюсь отсюда отойти.

– Нет, Пейдж, вам нужно отвлекаться. Пройдет ночь, впереди будет долгий день. Вам, да и мне тоже, нужны силы, чтобы помочь нашим детям. Сейчас мы нужны

им еще больше.

Было уже четыре утра, и оперирующий хирург сказал Пейдж, что операция продлится от двенадцати до четырнадцати часов.

– Я бы советовал вам поехать домой и отдохнуть несколько часов, – обеспокоенно сказал Тригви. Последние несколько часов сблизили Пейдж и Тригви гораздо больше, чем восемь лет их знакомства, и она была рада, что не одна сейчас. Без Тригви она, наверное, сошла бы с ума. Господи, ведь здесь рядом с ней должен находиться Брэд, а он до сих пор ничего не знает. Но сейчас она не будет ни сетовать, ни упрекать его. Он же не виноват в том, что ей не удалось его разыскать.

– Я никуда не поеду, – наконец упрямо ответила Пейдж. И Тригви понял ее – он тоже не покинул бы Хлою. Но у него дома за старшего оставался Ник – он позаботится о Бьорне. Тригви объяснил сыновьям ситуацию, он уже несколько раз звонил домой. Другое дело Пейдж – у нее Энди один, он беспокоится, куда она пропала, и волнуется за сестру и мать.

– С кем вы оставили Энди? – спросил Тригви, когда они наконец сели за столик в больничном буфете.

– Я оставила его с соседкой. Она моя подруга – Джейн Джилберт. Она прекрасно ладит с Энди, так что она присмотрит за ним, когда он проснется. Я ничего не могу сделать, я не могу сейчас уехать. Мне нужно отыскать Брэда. Не могу понять, что случилось, – за шестнадцать лет он впервые не оставил номера телефона отеля!

– Так всегда и бывает, – посочувствовал ей Тригви. – Как-то Дана поехала кататься на лыжах с друзьями и тоже забыла оставить телефон, и как раз в этот уик-энд Бьорн потерялся, Ник сломал руку, а Хлоя подхватила воспаление легких. Мне пришлось покрутиться.

Пейдж улыбнулась. Он такой славный, помог ей сегодня. Как же им привыкнуть к мысли, что обе их жизни вот так, в одно мгновение, получили пробоины.

– Не знаю, что и сказать Брэду. Они были так близки с Алли... Случившееся просто убьет его.

– Это кошмар для всех нас... Бедный парень, что сидел за рулем... Говорят, он был славный мальчишка. Представьте себе состояние его родителей.

Им выпало первыми увидеть это, когда в шесть утра Чэпмены оказались в госпитале: приятная немолодая пара. Видно, мальчик был у них поздним ребенком. У нее были чудные, хотя и седые волосы, а мистер Чэпмен выглядел солидно – как банкир. Пейдж увидела Чэпменов, когда они, усталые и растерянные, подошли к столику дежурной сестры – им пришлось гнать машину всю дорогу из Кармела, как только им сообщили, и они все еще не верили в то, что произошло. Филипп был их единственным ребенком, у них никогда уже не будет детей. Он был для них светом в окошке, именно поэтому они и не хотели отпускать его на учебу далеко от дома. Для них была непереносима даже мысль о том, что их сын окажется так далеко, а вот теперь он оказался недосыгаем. Он ушел от них навсегда, он оставил их одних.

Миссис Чэпмен стояла со склоненной головой и плакала, слушая объяснения врача: Филипп умер мгновенно от черепно-мозговой травмы, его позвоночник и основание черепа были сломаны. Мистер Чэпмен плакал открыто, обняв жену за плечи.

Доктор сказал им, что в крови Филиппа обнаружено незначительное количество алкоголя – недостаточное, чтобы официально утверждать, что он был пьян, но на подростка его возраста это могло подействовать. Не установлено, кто виноват в аварии, неясно, чей удар был сильнее, кто нарушил правила, но некоторые подозрения существуют. Чэпмены слушали врача с ужасом. Доктор сказал им, что за рулем второй машины была жена сенатора Хатчинсона, она потрясена случившимся. Но эта информация для них ничего не значила – Филипп мертв, и неважно, кто был за рулем другой машины. Но при намеке на то, что Филипп был пьян и оказался виновником инцидента, миссис Чэпмен пришла в ярость. Она потребовала сообщить ей результаты теста на алкоголь миссис Хатчинсон. Насколько врачи были осведомлены, жену сенатора не тестировали. Врач повторил миссис Чэпмен слова одного из полицейских, что жену сенатора не проверяли на алкоголь, так как патрульный решил, что она была трезва. Миссис Хатчинсон была вне подозрений. Тут уже разъярился Том Чэпмен – как они могли допустить такую оплошность?! Он известный и уважаемый адвокат и смеет утверждать, что тот факт, что их сына проверяли на алкоголь, в то время как жену сенатора отпустили без проверки, – вопиющее нарушение закона, и он этого так не оставит.

– Что вы такое говорите? Только потому, что моему сыну семнадцать лет и он выпил немного вина, его называют виновником катастрофы? А взрослая женщина, которая могла выпить гораздо больше и быть под влиянием алкоголя, оказывается выше закона только потому, что она жена сенатора?! – кричал Том Чэпмен, задыхаясь от волнения и ярости, на молодого врача, сообщившего ему эту информацию.

– Какие они имеют основания утверждать, что мой сын был пьян? – негодовал Том Чэпмен, жена вторила ему. Это была реакция на их горе – их боль, обида, ужас требовали выхода. – Это клевета! Тест показал, что, строго говоря, он был трезв, даже с натяжкой его нельзя назвать пьяным. Я знаю своего сына. Он никогда не пил, а если в исключительных случаях самый минимум, то тогда не садился за руль. – Но постепенно голос Чэпмена слабел, гнев его стал угасать – он постепенно осознал, что этот спор бессмыслен, сына не вернуть. Ему хотелось переложить на кого-нибудь вину, заставить страдать так же, как страдает он. Это скорее всего вина той женщины, а не его сына... Но лучше бы это была ничья вина, лучше бы этого вообще не было. Зачем они поехали в Кармел? Почему оставили его одного, почему решили, что с ним все будет в порядке? В конце концов, он всего лишь мальчик... совсем ребенок... и вот что теперь стряслось... Он повернулся к жене с глазами, полными слез. Гнев смягчил поначалу горе, но теперь оно с новой силой навалилось на него. Они обнялись и зарыдали вместе. Гнев отступил перед более сильными чувствами.

Пока они сидели в приемной, их снимал фотограф. Сначала Чэпмены не могли понять, что это за вспышки света. Когда же они поняли, что это пресса, ярости их не было предела – как смеют журналисты вторгаться, нарушать их уединение?! Казалось, что Том Чэпмен просто набьет морду фотографу. Но он, конечно, не сделал этого – он был достаточно разумен, чтобы понять, что их несчастье стало объектом внимания прессы из-за миссис Хатчинсон. Это была настоящая сенсация, горячий материал – такой, с помощью которого можно привлечь внимание читателя. Виновата ли жена сенатора или она счастливо уцелевшая жертва? Виноват ли молодой Чэпмен? Был ли он пьян? Или всего лишь невнимателен? Может быть, дело в том, что он был слишком молод и неопытен? А может быть, это упущение Лоры Хатчинсон? Не употреблял ли кто-либо из них наркотики? Для прессы тот факт, что семнадцатилетний юноша погиб, жизнь его родителей разрушена, одна из девушек останется калекой, а другая умирала в госпитале, – всего лишь броский материал.

Чэпмены покидали госпиталь в горе. Их ждало здесь самое страшное испытание – опознание тела Филиппа. Ужас охватил Мэри Чэпмен, когда она увидела бескровное лицо сына, его изуродованное тело. Она наклонилась, чтобы поцеловать его. Том Чэпмен плакал. Мэри вдруг пронзило воспоминание: семнадцать лет назад его дали ей в руки, и она впервые в жизни узнала, какое счастье – быть матерью. Ничто не может отнять у нее этих воспоминаний, но Филиппа у нее отняли. Она никогда больше не увидит, как он смеется, как бежит через лужайку, шутит. Он никогда не преподнесет ей очередного сюрприза. Никогда не подарит цветы. Она никогда не увидит его взрослым, у него никогда не будет ни любимой девушки, ни семьи, ни детей. Он навсегда останется в ее памяти таким вот искореженным, неподвижным, с отлетевшей в мир иной душой. Как они ни любили его и как он ни любил их, но он их покинул.

На выходе их поджидал другой фотограф, у них уже не было сил возмущаться. Но, собрав все свое мужество, Том Чэпмен сделал заявление для прессы: он сказал, что во что бы то ни стало добьется того, чтобы с Филиппа сняли обвинение. Он не позволит марать имя своего сына. Он не позволит, чтобы репутация сына была испорчена ради того, чтобы защитить жену сенатора или сохранить ему место в сенате на следующих выборах. Старший Чэпмен сказал, что его сын не виноват и он не позволит кому-либо утверждать противное. Он говорил, обращаясь в основном к своей жене, желая хоть как-то отвлечь ее внимание от горестных мыслей, но она не слышала его: перед ее глазами стояло лицо ее несчастного мальчика, которое она только что целовала.

Ночь казалась бесконечной. Пейдж сидела рядом с Тригви, а их дочери страдали в операционной. Будет ли конец этим страданиям?

– Я все время думаю о последствиях, – тихо сказала Пейдж. В окно она увидела, как восходит солнце, и это почему-то показалось ей добрым знаком. Начался новый, такой же теплый, как вчера, весенний день, но теперь это уже не радовало ее. В ее душе воцарилась ледяная, бесконечная зима. – Я все думаю о том, что сказал доктор Хаммерман – я правильно запомнила его фамилию? Не исключено, что функции мозга могут быть нарушены. Что тогда делать? Как жить с этим? – размышляла она вслух. Но тут вдруг она вспомнила о больном сыне Тригви – Бьорне и почувствовала себя неловко. – Извините, Тригви... я не хотела причинить вам боль.

– Все в порядке. Я вас понимаю... Вот я сейчас думаю о ногах Хлои и чувствую ту же боль, как и в момент, когда узнал о том, что у Бьорна синдром Дауна. –

Тригви был с ней откровенен, им обоим нужно было подготовиться к тому худшему, что могло ждать их впереди.

Пейдж подняла глаза и внимательно посмотрела на Тригви изучающим взглядом: его волосы растрепаны, впрочем, как и у нее, старые джинсы, рубашка в клетку, на ногах легкие туфли. Она взглянула на свой заношенный свитер и вспомнила, что так и не причесала волосы. Это, в общем, не волновало ее, но она не могла не улыбнуться при мысли о том, как они оба могли выглядеть со стороны.

– Ну и вид, наверное, у нас с вами, – усмехнулась она. – Вы еще ничего. А я так быстро выскочила из дому. Удивительно, что не забыла вообще одеться.

Тригви улыбнулся ей в ответ, впервые за эту ночь, и стал похож на добродушного мальчишку с голубыми глазами и белесыми ресницами.

– Это джинсы Ника, а рубашка Бьорна. А эти туфли даже не знаю чьи. Но, кажется, не мои – я нашел их в гараже. Я вообще выбежал из дому босиком.

Она понимающе кивнула, и ей до боли стало жаль его – сколько забот лежало на нем, и так несправедливо, что случилось это несчастье с Хлоей. А она сама? Чем заслужила она такое наказание? А ей ведь еще предстоит сообщить обо всем Брэду. Еще один кошмар. Если бы только она могла сказать ему, что Алисон хотя бы жива, но вряд ли она будет знать это к тому времени, как свяжется с ним.

– Я как раз подумал о Бьорне, – задумчиво протянул Тригви, откидываясь на спинку стула. – Когда нам сказали о его болезни, это было чудовищно. Дана рвала и метала, она ненавидела всех, но особенно меня – а кого же еще винить? И Бьорна тоже – поначалу. Она просто не могла примириться с тем, что у нас ребенок-инвалид, не такой, как все. Она говорила про него, что это просто растение, не верила, что он сможет выжить в этом мире здоровых людей. Она хотела отдать его в интернат.

– А почему вы его не отдали? – спросила Пейдж, чувствуя, что задает этот вопрос естественно и спокойно. В ее семье все было иначе. Брэд никогда бы не примирился с таким ребенком.

– Я просто в это не поверил. Может быть, это результат моего норвежского детства, может быть, просто я такой, но я не думаю, что нужно отказываться от чего-то только потому, что это нелегко. Во всяком случае, я так не поступаю. – Он грустно улыбнулся, вспомнив о двадцати годах неудачного брака. – Хотя иногда это не помешало бы. Но это просто как бы часть меня – старики, дети, инвалиды, больные. Наш мир несовершенен, было бы странно думать иначе. Мне кажется, мы должны постараться сделать его немного лучше. Дана же сказала, что это не ее дело, так что заниматься Бьорном пришлось мне одному. Но нам повезло – у него не самая тяжелая форма, так что его просто можно считать в малой степени умственно отсталым. Ему хорошо дается плотницкое дело, он добрый, любит людей, отлично умеет готовить, надежен, у него есть чувство юмора, и он даже учится водить машину. Конечно, он никогда не будет таким, как Ник, или я, или вы. Он не сможет учиться в университете, руководить банком и не станет врачом. Он просто Бьорн, и надо принимать его таким, какой он есть. Он любит спорт, людей и детей. Может быть, несмотря на то, что он не такой, как все, он проживет жизнь достойно. Я надеюсь на это.

– Вы так много сделали для него, – сказала Пейдж, – ему просто повезло, что у него такой отец.

Тригви вдруг захотелось сказать ей, что Брэду тоже повезло. В эту ночь он понял, какая она замечательная. Она выдержала удар, который поверг бы многих людей в нокаут, и она при этом не забывает о своем муже, сыне, даже о Чэпменах.

– Он это заслужил, Пейдж. Он просто прелесть. Я не представляю, что с ним стало бы в интернате. Наверное, он никогда не стал бы таким, как сейчас. Не знаю. Он ходит за продуктами и очень гордится этим. Иногда мне кажется, что я доверяю ему больше, чем Хлое. – Они улыбнулись. – У девочек-подростков есть немало своих недостатков.

– Но неужели вы никогда не сердитесь на него?

– Это просто невозможно, Пейдж. Он так старается делать все как можно лучше. Честно говоря, я даже горжусь им. – Они оба прекрасно понимали, что, если бы у Алисон после операции остались серьезные осложнения, все было бы иначе, ведь до несчастного случая она была другой – здоровой, умной, сильной. И все сравнивали бы ее нынешнюю с той, прежней.

– Я просто задаю себе вопрос: как привыкнуть к этому? Может быть, нужно отбросить все прежние мерки и стандарты и начать все сначала, шаг за шагом, благодаря богу за каждое вновь выученное слово, за каждое крошечное достижение? Но разве я могу забыть?.. Разве можно забыть о том, какой она была, и научиться принимать столь малое?

– Не знаю, – грустно ответил Тригви, стараясь ее успокоить. – Может быть, нужно просто радоваться тому, что она вообще жива, начать именно с этого.

Пейдж кивнула, понимая, как мало шансов на жизнь у ее дочери.

– Но будет ли она жить – ведь я даже этого пока не знаю.

Дождавшись восьми утра, Пейдж позвонила одному из коллег Брэда, чтобы тот помог ей разыскать его в Кливленде.

Она позвонила Дэну Баллантайну, долго извинялась, что разбудила его и жену, и объяснила, что случилось. Она сказала, что Брэд собирается играть в гольф с президентом кливлендской компании и если Дэн не знает, в каком отеле остановился Брэд, то, может, он позвонит президенту компании и попросит его передать Брэду, чтобы он срочно позвонил ей. Дэн записал телефонный номер отделения. Это был довольно сложный путь, но лучше она ничего не могла придумать. Дэн сказал, что постарается немедленно разыскать Брэда и передаст ему телефон госпиталя, не особенно пугая его. Дэн выразил свое сожаление по поводу постигшего ее несчастья и надежду, что с Алисон все будет в порядке.

– Я тоже надеюсь на это, – ответила Пейдж бесцветным голосом. Не прошло и часа, как Дэн снова позвонил ей в реаниматологию и сообщил, что президент компании сказал ему, что у него действительно назначена на следующий день встреча с Брэдом, но ни о какой игре в гольф или о встрече в воскресенье не было и речи.

– Странно, Брэд сказал мне... но неважно. Наверное, я его не так поняла. Остается ждать, пока он позвонит сам, – устало проговорила она. У нее просто не было сил думать над тем, почему он сказал, что будет играть в гольф, а в действительности оказалось, что игры не будет. Наверное, игру просто отменили, по крайней мере с ним пытались связаться. Может быть, когда

объявится Брэд, могут появиться более приятные новости.

– Они не смогли его разыскать, – сказала она Тригви, поговорив по телефону и снова усаживаясь на неудобный стул. За ночь на лице у Тригви проступила светлая щетина, он выглядел не менее уставшим, чем она. – Он в конце концов позвонит домой, и Джейн скажет ему, чтобы он перезвонил в госпиталь. Бедняга, я просто боюсь говорить ему.

– Я вас понимаю. Пока вы ходили звонить, я тоже связался с Даной в Лондоне. Она только что вернулась с уик-энда в Венеции. Она пришла в ужас и, как всегда, обвинила во всем меня. Я виноват, что выпустил Хлою из дому, виноват, что не выяснил, с кем она собирается проводить время, и я должен был сообразить, что она собирается делать что-то плохое. Может быть, она права, не знаю. Но я-то считаю: либо нужно доверять детям, либо просто можно свихнуться – нельзя же все время быть при них охранником. Говоря по правде, с Хлоей было довольно мало хлопот, а вот теперь она стала откалывать номера.

– И Алли тоже. Она никогда такого не устраивала. Я думаю, они пытаются становиться самостоятельными. Это нормально... просто на этот раз не повезло.

– Да, это уж точно... И все-таки Дана обвиняет во всем меня.

– Она не права? – тихо спросила Пейдж.

– Не совсем. Я и сам все время спрашиваю себя об этом. Может быть, что и так... Хотя мне кажется, это несправедливо.

– Это удар судьбы, не надо думать, что виновата та женщина. – Им обоим хотелось верить, что виновата Лора Хатчинсон, а не Филипп Чэпмен. Ведь если бы несчастный случай произошел не по вине Филиппа, а был нелепой случайностью, может быть, случившееся было бы легче перенести. А впрочем, возможно, что это все не имеет уже значения.

Их разговор прервал хирург-травматолог и сообщил, что операция Хлои прошла успешно, правда, она потеряла много крови и еще некоторое время будет находиться в тяжелом состоянии, но они все же надеются, что она сможет ходить самостоятельно. Раздробленные кости таза и бедренная кость заменены, в ноги вставлены стальные стержни, которые можно будет извлечь через год-

другой. Разумеется, о балете придется забыть, но, если повезет, она сможет не только ходить, но и танцевать... а может быть, и рожать. Многое будет зависеть от ее состояния в ближайшие несколько недель. Врач выглядел довольным собой и своей работой, он похвалил и мужество девочки. Тригви слушал врача и беззвучно кивал головой, по его щекам текли слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/daniela-stil/zhit-dalshe-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)